

ГЛОБАЛЬНЫЙ ДИАЛОГ

13.1

3 выпуска в год на многих языках

Социология говорит с
Бригитт Ауленбахер и
Клаусом Дёрре

Брено Брингель
Каролина Вестена
Витория Гонзалес

Навстречу
XX Всемирному
конгрессу МСА

Сари Ханафи
Анахи Виладрич
Джеффри Плейерс
Розана Пинейро-Мачадо
Татьяна Варгас-Майя

Плюриверс и
социо-экономические
переходы

Маристелла Свампа
Альберто Акоста
Эрике Виале
Брено Брингель
Мириам Ланг
Рафаэль Хетмер
Кармен Алиага
Лилиана Буитраго
Вандана Шива
Моника Чухи
Гримальдо Ренгифо
Эдуардо Гудинас
Лесли Ле Гранж
Кристель Терребланш
Кормак Куллинан

Теоретические
подходы

Жозе Маурисио Домингес

Открытый раздел

- > Вызовы открытой науки
- > Южный концепт множественных социологий
- > Латиноамериканская социология и кризис современной цивилизации
- > Распадающаяся Бразилия
- > Иран: это не протест, это революция

ЖУРНАЛ

International
Sociological
Association
isa

ТОМ 13 / ВЫПУСК 1 / АПРЕЛЬ 2023
<https://globaldialogue.isa-sociology.org/>

ГД

> От редакции

С большой радостью представляю вам этот первый номер *ГД* в 2023 году, первый выпуск, подготовленный новой редакцией. В конце 2022 года Элоиза Мартин, вице-президент МСА по публикациям, сообщила мне, что моя кандидатура на позицию нового редактора журнала утверждена. Предыдущая редколлегия, которой руководили Бригитт Ауленбахер и Клаус Дёрре, содействовала мягкому переходу при смене редакции. Я от всей души благодарю руководителей прежней редколлегии и их помощников – Рафаэля Дендла, Джоанну Грубнер, Валида Ибрахима и Кристину Шикерт – за их поддержку и чрезвычайно плодотворную работу. Профессора Ауленбахер и Дерре, а также основатель журнала, Майкл Буравой, продолжают принимать участие в издании *ГД* в статусе консультирующих редакторов. Нет сомнения, что их вклад будет решающим в обеспечении баланса преемственности и обновления журнала.

Наш выпускающий редактор – Лола Бусуттил, которая работает в *ГД* с самого основания, остается с нами, и ее присутствие является наилучшей гарантией успешного редакционного перехода. Нас поддерживают также Август Бага, Тoffa Эванс и также большая разветвленная команда региональных редакторов.

С года своего основания (2010) *ГД* существенно изменился. Журнал начинался как бюллетень, его оформление было любительским, а аудитория относительно небольшой. За десять с небольшим лет издание превратилось в журнал, публикуемый более, чем на двенадцати языках; число его авторов выросло; благодаря ему социологи из всех регионов мира узнают о социальной реальности, об исследованиях и заботах современного мира.

Работа над изданием будет развиваться и в дальнейшем. Мы выделили три основных вызова, стоящих перед *ГД* в ближайшие годы: строительство глобальной и публичной социологии в МСА и за ее пределами; реорганизация структуры рубрик *ГД* и обеспечение ее стабильности; переопределение стратегий коммуникации и распространения.

У меня есть множество идей по решению этих вопросов, но, прежде всего, я хотел бы услышать ваше мнение. Поэтому на период до XX всемирного конгресса МСА в Мельбурне в июне следующего года вместе со своими помощниками Каролиной Вестена и Виторией Гозалес я открываю широкий диалог в рамках сообщества МСА. Каролина и Витория – блестящие молодые исследовательницы, имеющие опыт редакционной работы и преданные идеям публичной и глобальной социологии. Каролина живет в Касселе (Германия), а Витория – в Рио-де-Жанейро (Бразилия).

Этот номер открывается интервью с бывшими редакторами *ГД* Бригитт Ауленбахер и Клаусом Дерре, в которых они рассказывают о вызовах, с которыми они столкнулись, работая в журнале, а также освещают свое видение дальнейшего развития глобальной социологии.

В первом разделе опубликованы тексты, так или иначе освещающие следующий конгресс МСА в Австралии. Сари Ханафи представляет его ключевые темы; Анахи Виладрич обсуждает современный переход между форматами онлайн офлайн коммуникации. Джефри Плейерс размышляет об основных проблемах

современной глобальной социологии и роль МСА в их решении. Розана Пинheiro-Мачадо и Татьяна Варгас-Майя обсуждают одну из центральных тем конгресса – современный авторитаризм – и предлагают новый подход к изучению современных крайне правых социальных сил и движений.

Второй симпозиум представляет коллективный глобальный проект Словарь постсовременности *Pluriverse (Разнообразие)*, первоначально разработанный Ашиш Котари, Аризем Салехом, Артуро Эскобаром, Фредериком Демариа и Альберто Акостой. Мы также публикуем короткие тексты, написанные известными активистами и интеллектуалами, посвященные возможностям глобального диалога по таким темам, как альтернативы развития (Вандана Шива), достойная жизнь (*buen vivir*) (Моника Чуджи, Гримальдо Ренгифо и Эдуардо Гулинас), Убунту (Лесли ле Гранж), экофеминизм (Кристель Терребланш) и права природы (Кормас Куллинан). Кроме того, участники Экоциального Интеллектуального Южного Пакта (*Pacto Ecosocial e Intercultural del Sur*) (Маристелла Свампа, Альберто Акоста, Энрике Виале, Мириам Ланг, Рафаэль Хетмер, Кармен Алиана, Лиана Буитраго и я) стали соавторами текста, посвященного геополитике экоциальных переходов, в котором критикуется гегемонный экологический переход основных акторов глобального мира, формирующий новый тип зеленого экстрактивизма, который отягощает экологический долг, создает потенциал для зеленого колониализма и расширяет число зон Глобального Юга, которые стали жертвами этой политики. В центре внимания этого симпозиума в целом находятся альтернативы этому разрушительному сценарию.

В теоретическом разделе Хозе Маурисио Домингес ставит вопрос о том, вступил ли постпандемический мир в новую фазу современности. Предлагаемый им историко-социологический анализ некоторых трендов развития государства, экономики и социальной политики помогает нам воздержаться от преждевременных интерпретаций, порожденных контекстом пандемии.

И, наконец, в открытом разделе представлены три статьи, анализирующие различные вызовы, стоящие перед современной социологией. Фернанда Бейгель обсуждает, как социальные науки реагируют на императивы открытой науки в отношении результатов и самого процесса исследования. Махмуд Дхауди защищает Южный концепт множества социологий. А члены Латиноамериканской Социологической Ассоциации (LACA - ALAS) описывают диагноз современного цивилизационного кризиса и роль социологии в этом регионе. Две публикации посвящены бразильскому и иранскому контексту. Элисио Эстанке и Агнало де Суза Барбоса отмечают, что для понимания социальной поляризации современного бразильского общества необходимо выйти за пределы краткосрочной перспективы. Второй текст опубликован под псевдонимом, защищающим автора; в нем анализируются общественный протест в современном Иране. Мы не хотим содействовать нормализации создавшейся ситуации и молчать перед лицом угрозы со стороны репрессивного авторитаризма. *Глобальный Диалог* продолжает неуклонно следовать научным стандартам социологического анализа и при этом сохраняет верность своей позиции противостояния глобальным неравенствам! Мы выступаем за обновленный интернационализм! ■

Брено Брингель, редактор *Глобального Диалога*

> Читайте *Глобальный Диалог* на многих языках на [сайте журнала](#).

> Присылайте свои статьи по адресу: globaldialogue.isa@gmail.com.

> Редакторский совет

Редактор: Брено Брингель.

Помощники редактора: Витория Гонзалес, Каролина Вестена.

Ассоциированный редактор: Кристофер Эванс.

Управляющие редакторы: Лола Бусуттил, Август Бага.

Консультанты: Майкл Буравой, Бригитт Ауленбахер, Клаус Дёрре.

Медиа консультант: Хуан Лехаррага.

Консультирующие редакторы:

Сари Ханафи, Джеффри Плейерс, Филомин Гутьеррес, Элоиса Мартин, Савако Сирахасе, Изабела Барлинска, Тоба Бенски, Чих-Джоу Джей Чен, Ян Фриц, Коичи Хасегава, Хироши Ишида, Грейс Хуноу, Элисон Локонто, Сьюзан МакДэниел, Элина Ойнас, Лаура Осо Касас, Бандана Пуркайяста, Рода Реддок, Мунир Сайдани, Айсе Сактанбер, Сели Скалон, Назанин Шахрокни.

Региональные редакторы

Арабский мир: (Тунис) Мунир Саидани, Фатима Радуани, (Ливан) Сари Ханафи.

Аргентина: Магдалена Лемус, Хуан Парсио, Данте Марчиссио.

Бангладеш: Хабибул Хондкер, Хайрул Чоудхури, Биджой Кришна Баник, Абдур Рашид, Саркер Сохел Рана, Мд. Шахидул Ислам, Хелал Уддин, Масудур Рахман, Ясмин Султана, Рума Парвин, Шармин Актер Шапла, Салех Аль Мамун, Экрамун Кабир Рана, Фархин Актер Бхуян, Хадиза Хатун, Айша Сиддик Хумайра, Арифур Рахаман, Истиак Нур Мухит, Мд. Шахин Актар.

Бразилия: Фабрисо Масиел, Андреса Гали, Рикардо Виссер, Хосе Гирадо Нето, Жессика Маззини Мендес.

Индия: Рашми Джайн, Ракеш Рана, Маниш Ядав, Прагья Шарма.

Иран: Рейханех Джавади, Ниаеш Долати, Сайед Мухамад Муталеби, Эльхам Шуштаризаде.

Казахстан: Айгуль Забировова, Баян Смагамбет, Адиль Родионов, Алмаш Тлеспаева, Куаныш Тел, Алмагуль Мусина, Акнур Иманкул, Мадияр Алдияров.

Польша: Александра Бьернацка, Джоанна Беднарк, Анна Тернер, Марта Блашинска, Уршула Ярецка.

Румыния: Ралука Попеску, Раиса-Габриэла Замфиреску, Бьянка Михэилэ, Диана Мога, Луиза Нистор, Руксандра Пэдурару, Мария Влэшану.

Россия: Елена Здравомыслова, Дарья Холодова.

Тайвань: Ван-Джу Ли, Тао-Юнг Лу, Ю-Вен Ляо, По-Шунг Хонг, Йи-Шуо Хуанг, Чиен-Йинг Чиен, Жи Хао Керк, Марк Йи-Вей Лай, Юн-Джоу Лин, Юн-Хсуан Чоу.

Турция: Гюль Чорбаджиоглу, Ирмак Эврэн.

Франция/Испания: Лола Бусуттил

В этом интервью **Бригитт Ауленбахер** и **Клаус Дёрре** обсуждают некоторые вызовы публичной и глобальной социологии, и то, как эти два концепта работают в их исследованиях и в **Глобальном Диалоге**.

Раздел, посвященный **XX Всемирному социологическому конгрессу МСА**, предлагает рефлексию на центральные темы этого мероприятия, такие как вызовы гибридных и очных конференций, обновление глобальной социологии и глобального диалога и подъем крайне правой идеологии.

Тематический раздел о **Плюриверсе и социо-экологических переходах** исследует такие основные концепции, как *buen vivir*, развитие, экофеминизмы, зеленые пакты, права природы и убудунту.

Фото на обложке: Pixabay.

Глобальный Диалог выходит благодаря щедрому гранту **SAGE Publications**.

> В этом выпуске

От редакции 2

> СОЦИОЛОГИЯ ГОВОРИТ

Вызовы публичной и глобальной социологии.

Интервью с Бригитт Ауленбахер и Клаусом Дерре

Бено Брингель (Бразилия/Испания), Каролина Вестена (Германия) и Витория Гонзалес (Бразилия) 5

> НАВСТРЕЧУ XX ВСЕМИРНОМУ КОНГРЕССУ МСА

Добро пожаловать на XX Всемирный социологический конгресс МСА в Мельбурне

Сари Ханафи (Ливан) 8

Возвращение очных конференций
в (почти) постпандемическом мире

Анахи Виладрич (США) 11

Глобальная социология как обновленный глобальный диалог

Джеффри Плейерс (Бельгия) 13

Почему нам нужна новая теоретическая рамка для
изучения ультраправых на Глобальном Юге

Розана Пиньейро-Мачадо (Ирландия); Татьяна Варгас-Майя (Бразилия) 16

> ПЛЮРИВЕРС И СОЦИАЛЬНО-ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПЕРЕХОДЫ

Зеленые пакты и геополитика экосоциальных переходов

Маристела Свампа (Аргентина), Альберто Акоста (Эквадор), Энрике Виале (Аргентина), Брено Брингель (Бразилия/Испания), Мириам Ланг (Эквадор), Рафаэль Хетмер (Перу), Кармен Алиага (Боливия) и Лилиана Буитраго (Венесуэла) 19

Развитие для одного процента

Вандана Шива (Индия) 23

Buen Vivir: Генеалогия и горизонты

Моника Чухи (Эквадор), Гримальдо Ренгифо (Перу) и Эдуардо Гудинас (Уругвай) 25

Убунту: концепция справедливости и способ жизни

Лесли Ле Гранж (Южная Африка) 27

Карта экофеминистских дебатов

Кристель Терребланш (Южная Африка) 29

Права природы и юриспруденция Земли

Кормак Кулинан (Южная Африка) 31

> ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ

Постпандемические тенденции и фазы современности

Жозе Маурисио Домингес (Бразилия) 33

> ОТКРЫТЫЙ РАЗДЕЛ

(Пере)открытие социальных наук:
вызовы открытой науки

Фернанда Бейгель (Аргентина) 36

Южный концепт множественных социологий

Махмуд Дхауади (Тунис) 39

Латиноамериканская социология и
кризис современной цивилизации

Авт.: Латиноамериканская Социологическая Ассоциация 40

Распадающаяся Бразилия

Элисио Эстанке (Португалия) и Агналдо де Суза Барбоса (Бразилия) 42

Иран: это не протест, это революция

Авт.: Иранские голоса (Иран) 44

“Мы живем во время иерархичной поляризации в обществе, когда разумная общественная дискуссия часто невозможна”

Сари Ханафи

> ВЫЗОВЫ

публичной и глобальной социологии

Интервью с Бригитт Ауленбахер и Клаусом Дёрре

Брено Брингель, новый редактор ГД, Каролина Вестена и Витория Гонзалес, новые помощники редактора ГД

Бригитт Ауленбахер. Фото из личного архива.

Клаус Дёрре. Фото из личного архива.

Редакторы ГД (РГД): Как понятие публичной социологии транслируется в вашей исследовательской программе в контексте ваших локальных исследовательских сетей и институциональной принадлежности к МСА?

Бригитт Ауленбахер (БА): Концепт публичной социологии способствует распространению научного знания; он стимулирует дискурсивное взаимодействие между академическими и неакадемическими аудиториями, вдохновляет социологическую работу, обсуждая положение различных социальных полей. По замыслу Майкла Буравого, это понятие способно описать вовлеченность социологов в процесс опубликования и популяризации полученных ими знаний («традиционная» публичная социология) или вовлеченности в инициативы, возникающие в гражданском обществе («органическая» публичная социология). Будучи критическим социологом, я следую двухсторонней исследовательской программе, сочетая развитие теории общества, в особенности анализ современного капитализма в феминистской и интерсекциональной перспективе, с эм-

пирическими исследованиями трансформации работы, труда, заботы и науки, обращаясь к таким феноменам, как цифровизация, домашний труд, организация заботы в домах престарелых, институциональная забота и маркизация университетов. Если считать наступление второй эры глобализации (начавшееся в 1990х годах) поворотным пунктом, то мы обнаружим, что в этот период трансформации капитализма приводит к кульминации экономического, экологического, социального и политического кризисов и порождает множество протестов.

С моей точки зрения, такое развитие вызвано тем, что я называю *структурной беззаботностью* капиталистической экономики. Капиталистическая экономика укоренена в современном европоцентричном и андроцентричном представлении о человеке и научно-техническом прогрессе, которые стремятся к покорению человеческой и нечеловеческой природы, конкуренции и росту. Именно поэтому капиталистическая экономика дистанцируется от экологических и социальных потребностей, игнорируя

>>

и подчиняя их, или валоризируя в рамках способа производства, подстегиваемого ориентацией на накопление, получение прибыли и рыночную логику. Это происходит наряду с господством в отношении гендера, расы и класса. Совершенно очевидны многообразные разрушительные эффекты такого мироустройства, которые проявляются в изменениях климата, росте бедности и неравенства, а также в политических реакциях, например, в авторитарном сдвиге на глобальном уровне. В Австрии мы заново открыли для себя классические труды Карла Полаanyi и основали Международное общество Карла Полаanyi, стараясь разрабатывать его концепцию истории рыночного капитализма как результата «двойного движения». С одной стороны развивается «движение» деструктивной коммодификации, основанной на рыночных механизмах, захватывающих природу, труд, деньги, а также, как мы считаем, заботу, знания и другие «мнимые товары». С другой стороны, одновременно возникают «контрдвижения», представленные рабочими и социальными движениями, репрезентированные профсоюзами, инициативами «Пятницы для будущего», инициативами в сфере заботы и многими другими, выступающими против разрушающих эффектов неolibерального рыночного капитализма. Публичная социология в контексте местных и международных сетей, к которым я принадлежу, и разделы ГД, посвященные трансформации капитализма, работы, труда и науки в условиях неolibерализма, фокусируются на социальной теории, а также на практических и политических рекомендациях.

В нашей дисциплине наблюдается существенная нехватка согласия по поводу модусов публичной социологии. Мы спорим о том, должна ли дисциплина просто наблюдать, анализировать и описывать социальные процессы или допустимо вмешательство исследователя в происходящее? Поскольку социология является составной частью общества, которое она изучает, не существует некоей привилегированной позиции, позволяющей нам говорить людям, что они должны делать в отношении своего собственного видения происходящего или в тех видах деятельности, в которые они вовлечены. Однако социологи могут производить научное знание и стимулировать обсуждение его результатов, а также в качестве исследователей принимать участие в формировании альянсов различных акторов, неготирующих перспективы будущего и способы сохранения и устойчивости человеческой среды обитания. В том поле исследования, которым я занимаюсь, мы часто взаимодействуем с музеями, структурами общественного образования (*Volkshochschulen*), церквями, профсоюзами и другими институтами. *Глобальный Диалог* публикует статьи социологов из разных уголков мира и, тем самым, представляет интерес как для местных, так и для международных дискуссий.

Клаус Дёрре (КД): Впервые я познакомился с понятием публичной социологии М. Буравого во время конференции *SWOP* (Институт изучения общества, труда и политики университета Витватерстренда) в Йоханнесбурге в 2012 г. До этого понятие было фактически незнакомо немецкоязычной социологии. Я сразу же поддержал эту идею, потому что во время дебатов с группой публичной социологии в Йоханнесбурге я понял, что это понятие поможет обновить концептуальную базу исследований, к чему и стремилась наша исследовательская команда. Вместе с Бригитт Ауленбахер и другими коллегами я старался ввести дебат о публичной социологии в довольно невежественную в этом отношении среду немецкоязычных социологов. В настоящее время в Йене понятие публичной социологии стало частью концептуального стандарта. Это относится

также к моей собственной исследовательской группе, которая занимается изучением трудовых отношений и профсоюзов, опираясь на принципы органической публичной социологии.

Мой наиболее значимый опыт органической публичной социологии основан на тесном сотрудничестве с климатическим движением левого крыла. Вдохновленный действиями инициативы «Студенты для Будущего», объединяющей 1500 жителей Лейпцига, я написал книгу *Die Utopie des Sozialismus: Kompass für eine Nachhaltigkeitsrevolution* [Утопия социализма: компас революции устойчивого развития], которая активно обсуждается в климатическом движении. Вместе со студентами-участниками инициативы я запустил проект «Обновление социалистической политики снизу». Мы изучаем случаи успешной реализации эмансипаторной социалистической политики на локальном и региональном уровне, и, если появляется такая редкая возможность, – в мировом масштабе. Кроме инициатив в Германии существуют также группы, заинтересованные в реализации такой политики в Бразилии, Аргентине, Чили, Франции, Греции, Италии, Португалии и др. странах. Мы стремимся расширить эту сеть на всех континентах. Задача заключается в том, чтобы объединить эмпирические кейс-стади в едином исследовании, основанном на идеях работы Пьера Бурдьё *La misère du monde* [Нищета мира], хотя все мы заинтересованы в разработке подходов, которые помогут преодолеть нищету мира. Нам особенно интересны новые коллективные формы собственности и взаимодействие между классовой структурой и экологическим социальным конфликтом. Мы приглашаем к сотрудничеству всех заинтересованных в этом проекте.

РГД: Каковы наиболее существенные вызовы, с которыми вы столкнулись как редакторы ГД, продвигая повестку журнала и распространяя ее на глобальном уровне?

БА: Хотя наша редколлегия очень интернациональна, этого недостаточно для глобального охвата социологических сообществ всего мира. Перед нами три основных вызова. Во-первых, гегемонии, иерархии и отношения власти в нашей дисциплине создают привилегии распространения, признания и влияния для социологов Глобального Севера и Запада. Молодые социологи других стран или члены региональных редакций ГД в статьях, посвященных состоянию дисциплины в своих странах, часто отмечают, что национальные социологии, которые они представляют, достигли существенных социологических результатов, которые остаются совершенно неизвестными международному социологическому сообществу. Во-вторых, репрезентация глобальной социологии в журнале стала возможной при сильной поддержке президента и исполнительного комитета МСА. Путешествуя по всему миру, Маргарет Абрахам и Сари Ханафи приглашают коллег из разных стран публиковаться в ГД, а коллеги из исполкома подготавливают разделы, посвященные положению социологии в различных странах. В-третьих, стоит отметить самый сложный разрыв в производстве знания, с которым труднее всего справиться: множество исследований посвящено проблематике Глобального Юга и Востока, изучаемой с позиции Глобального Севера, и гораздо меньше исследований, ориентированных в обратном направлении. Найти тексты, отражающие вот эту обратную перспективу очень сложно.

КД: На мой взгляд, основной проблемой является провинциальная узкокопость, до сих пор характерная для немецкоязычной и, в различной степени, для всей запад-

>>

ноевропейской социологии. Мы слишком долго варимся в собственном соку и ограничиваем свое внимание длительным процессом эрозии западноевропейского социального капитализма. Мне представляется, что преодолеть этот узкий фокус крайне трудно. Мне стало это особенно очевидно в процессе сотрудничества ГД с сетью Латиноамериканского Совета по Социальным Наукам (CLACSO), в ходе которого нередко и вполне заслуженно я слышал упреки в европоцентризме. Такие установки мешают социологическому обмену. И, тем не менее, я полагаю, что существуют европейские точки зрения, которые остаются социологически легитимными и на глобальном уровне. Так, например, мое предложение посвятить отдельный выпуск ГД войне в Украине было встречено скептически и отвергнуто. Такой скептицизм ошибочен: тот аргумент, что более двадцати войн, которые одновременно идут в мире, не получают столь пристального внимания, несмотря на огромное число жертв – вполне понятен, но аналитически он не работает. Война в Украине – это война нового мирового порядка, которая включает угрозу конфронтации между ядерными державами. По своим последствиям это война является глобальной, что заставляет вспомнить понятие «экстерминизма», сформулированное Э.П. Томпсоном, и наполнить его новым содержанием. Экстерминизм – это термин, обозначающий совместные действия экономических механизмов, политических порядков и идеологий, которые направлены на уничтожение больших масс людей. Украинская война, по словам Джона Беллами Фостера, является катализатором «двойного экстерминизма». Даже если можно избежать ядерной войны, гонка вооружения и продолжение существования экстрактивных способов производства (основанных на добыче ископаемых) драматически усиливают риск экоцида (саморазрушения экологической системы).

РГД: *Последний вопрос для вас обоих. Как вы считаете какое видение глобальной социологии нужно развивать в будущем? Давайте изменим порядок ответов и начнем с Вас, Клаус.*

КД: Опасности двойного экстерминизма затрагивают и социологию как предмет и собственно ГД. Мы должны спросить себя: что можно сделать средствами и методами социологии для того, чтобы сделать возможным то, в чем мир нуждается прежде всего: как совершить революцию, которая приведет к социальной и экологической устойчивости. Мы должны преодолеть инструментальное отношение к нечеловеческой природе и другим живым существам, которые существуют со времени Неолитической Революции. Это возможно только в обществах, которые являются гораздо более эгалитарными и демократическими, чем современное капиталистическое общество. Если такая трансформация не удастся, впереди нас ждет новый авторитаризм, основанный на принципе «сохрани себя сам!». Возникновение этого нового авторитаризма или даже фашизма гораздо более вероятная перспектива, чем прогрессивный выход из нашего экономико-экологического кризиса. Проблема трансформации должна находиться в центре глобального социологического обмена. Так, например, еще в первом Докладе Римского Клуба высказывались опасения, что мир движется к «пропасти», вызванной глобальным потеплением и эксплуатацией ресурсов. Почему же спустя пятьдесят лет после этого

предупреждения нужно сделать еще больше, чтобы предотвратить катастрофу, и только неустойчивость является устойчивым феноменом? Как можно изменить существующее положение дел? Какой тип общества может поддерживать революцию в защиту устойчивого развития? В этом контексте необходима ясность: устойчивость, согласно несправедливо почти забытому немецкому социологу Карлу Германну Тядену, является антитезой насилию. Насилие находит выражение в войнах и гендерных отношениях, в отношениях между этническими группами и в классовой эксплуатации.

Революционная устойчивость (revolutionary sustainability) также призывает нас, социологов, переосмыслить свою роль в обществе. Мы не только должны покинуть свою башню из слоновой кости, к чему призывает много лет Майкл Буравой, мы должны обсудить, как можно реориентировать публичную социологию. В своей новой книге Карл фон Гольдт предлагает идею «критической вовлеченности» как эмансипаторный вариант публичной социологии, который поддерживает критическое отношение к профессиональному мейнстриму дисциплины, стремящемуся сохранить status quo. Студенты с энтузиазмом воспринимают этот плодотворный подход, потому что они не хотят иметь ничего общего с «правой» публичной социологией, которая также заявляет о себе в современном мире. Тот факт, что студенты, всерьез относящиеся к своей будущей профессии, рассуждают таким образом, несмотря на все ограничения своей карьеры, вселяет в меня надежду на плодотворное развитие нашей дисциплины.

БА: Я хотела бы обратить внимание на два аспекта. Во-первых, с моей точки зрения существует большой потенциал взаимодействия между социологией и искусством. Люди искусства и новые направления в исследовании искусства вносят значимый вклад в развитие современного общества. Наша редакция начала такое взаимодействие, предлагая к публикации фото-истории, фотографии, изображения и исследовательские репортажи об искусстве. Если мы будем ориентироваться на сочетание социологии и искусства на локальном и глобальном уровнях, нам откроются новые возможности и пути взаимодействия с академическими и вне-академическими аудиториями. Во-вторых, ГД может стимулировать дискурс, создавая платформу для анализа и диагноза современного социального развития для различных исследовательских направлений во всем мире. Однако для продвижения этой программы необходимо стимулировать формирование международных исследовательских сетей, которые создают пространства для различных социологических направлений и сообществ; необходим также поиск общих взглядов на социальное развитие и решение наиболее насущных проблем нашего времени. С моей точки зрения, публичная социология – развитие стратегий распространения социологического знания и сотрудничества с различными игроками различных полей – должна стать интегральной частью исследовательской программы и деятельности исследовательских сетей. ■

Адреса для связи:
<Brigitte.Aulenbacher@jku.at>, <klaus.doerre@uni-jena.de>

> Добро пожаловать на XX Всемирный социологический конгресс МСА в Мельбурне

Сари Ханафи, Американский университет Бейрута, Ливан, Президент МСА (2018-2023)

Наконец мы встретимся лично. Когда мы определились с датой проведения XX Всемирного социологического конгресса МСА, надо было решить много вопросов: должен ли он пройти онлайн, очно или в гибридном формате? Что если кто-то не сможет приехать? Что делать с теми, кто все еще боится слишком близко подходить к другим? После почти трех лет онлайн-встреч из-за пандемии COVID-19 это крупное очное мероприятие представляется историческим моментом.

Мы предполагали различные сценарии, но на сегодняшний момент результаты очень обнадеживающие: подано 7 126 тезисов докладов. Две трети из них планируется представить очно, и одну треть - виртуально. Координаторы программы проделали огромную работу по оценке представленных материалов и приняли 6 408 тезисов из 124 стран. По сравнению с предыдущим Всемирным конгрессом в Торонто (2018) количество принятых тезисов увеличилось на 19%. Мы приглашаем всех, чьи заявки были приняты в этот раз, зарегистрироваться до 22 марта 2023 года – это крайний срок регистрации докладчиков.

Программа Конгресса стала предметом обсуждения многочисленных заседаний Программного комитета, в который входят четыре наших вице-президента (Филомин Гутьеррес, Элоиза Мартин, Джеффри Плейерс и Савако Сирахасэ), глава местного организационного комитета (Дэн Вудман), четыре члена Координационного комитета по исследованиям (Хироши Ишида, Элисон Локонто, Сьюзан МакДэниел и Назанин Шахрокни), еще четыре члена Комитета по связям с национальными ассоциациями (Элина Ойнас, Бандана Пуркайястха, Сели Скалон и Борут Рончевич), наш приглашенный гость Армандо Сальваторе и я. Местный организационный комитет, возглавляемый Дэном Вудманом, взял на себя огромную логистическую работу. Я хочу поблагодарить их всех за отличную работу. Мы подготовили замечательную программу, большинство докладчиков планируют лично присутствовать на конференции. Позвольте мне поделиться некоторыми основными моментами.

Когда мы выбирали тему для этого Всемирного конгресса МСА – «Возрождающийся авторитаризм: социология новых сплетений религий, политики и экономики» – авторитаризм еще не получил такого широкого распространения, как сейчас, в том числе, на глобальном Севере. Его росту способствовало постепенное «символическое уплотнение» общественной культуры за счет сочетания крайнего национализма и религиозного пыла, когда национальный консервативный проект приходит на смену либеральному

политическому проекту, а общественный разум становится неспособным справиться ни с единой концепцией справедливости, ни с различиями в представлениях об общественном благе. Иерархическая поляризация общества создает условия, в которых разумные общественные дискуссии зачастую становятся невозможными. Мы живем в демагогические времена, когда головокружительный рост популизма сопровождается отсутствием коммуникации между религиозным и светским в науке и СМИ, в отношении к политике, экономике и культуре. В большинстве регионов наблюдается рост религиозности, а в некоторых странах секуляризм стал гражданской религией, противопоставляемой другим конфессиям, особенно верованиям иммигрирующих групп.

> Президентские панели и пленарные заседания

Опираясь на эту теоретическую рамку, мы подготовили программу конференции, включающую две президентские панели, на которых будет обсуждаться связь социологии с моральной и политической философией.

На первой панели два философа и два социолога обсуждают тему «Либерализм, другой и религия». Французский философ Сесиль Лаборд защищает позиции минималистического секуляризма, а палестинский философ Азми Бишара утверждает, что комплексный всесторонний либерализм получает поддержку, если его основные ценности – гражданские свободы и индивидуальная автономия – совместимы с преобладающей культурой. Бразильско-бельгийский социолог Фредерик Ванденберге считает социологическую критику социальной несправедливости и социальных патологий одним из аспектов «либерального коммунитаризма»: иногда он больше склоняется к коммунитарному полюсу идентичности и аутентичности, а иногда – к либеральному полюсу автономии и справедливости. Наконец, по мнению австралийского социолога Анны Халафогг, роль религии заключается в том, чтобы способствовать и противостоять антикосмополитическому террору, проявляющемуся в росте религиозного национализма.

Вторая панель озаглавлена «Построение справедливого мира после COVID-19». Сюрреалистическая атмосфера пандемии COVID-19 обнажила линии доверия между людьми, странами, гражданами и правительствами. Она подтолкнула нас к постановке серьезных вопросов о самих себе, наших социальных отношениях и жизни в целом. Этот кризисный момент может стать поводом активного рассмотрения этой новой реальности и сопутствующей ей безу-

>>

XX ISA World Congress of Sociology

**Resurgent Authoritarianism:
Sociology of New Entanglements of
Religions, Politics, and Economies**

Melbourne, Australia | June 25-July 1, 2023
Melbourne Convention and Exhibition Centre
www.isa-sociology.org

держной неопределенности. Хотя глобальный кризис, вызванный пандемией, содействовал развитию новых стратегий усиления эксплуатации, лишения собственности и неолиберального капитализма, а также расширил пределы нашей жадности и эгоизма, он также позволил нам исследовать и предложить новые пути понимания и восстановления нашей человечности и социальной справедливости. Дидье Фассен указывает на невыученные уроки пандемии, уделяя особое внимание общественному здравоохранению и социальному неравенству. По его мнению, кризис здравоохранения выявил недостатки общественного здравоохранения в большинстве стран и глубину социального неравенства в отдельных странах и между ними. Ева Иллуз изучает страх как антидемократическую эмоцию, которая охватила огромные массы населения в постковидные времена. Между тем, Афе Адогаме, с его ганской чувствительностью, раскрывает многообразные варианты связи между религией, наукой и пандемиями. В то время как наука оспаривает легитимность и силу религии, предлагающей защиту, исцеление, безопасность и надежду, религия, в свою очередь, противопоставляет эффективности и авторитету науки как панацеи. Наконец, перед лицом воздействия COVID-19 Ли Пейлин утверждает, что современная теория мировых систем, теория «холодной войны» и теория «классов цивилизаций» неспособны понять региональные конфликты и угрозу мирового экономического спада. Таким образом, он призывает к развитию более инклюзивной постзападной социологии, которая сможет внести свой вклад в установление мирового порядка.

Помимо этих панелей, восемь пленарных заседаний будут посвящены четырем темам: секуляризм с точки зрения пост- или множественной секулярности; авторитаризм, особенно, в его брутализирующей версии, и его влияние на знание и постфактуальность; локальные формы глобального популизма; межсекторальный подход к пониманию конструирования «народа»; неолиберализм, который порождает множество неравенств, ставя под угрозу как индивидуальные, так и коллективные права на жизнь.

> Сессии-прожекторы

Поскольку мы стремимся к тому, чтобы на этом конгрессе общались не только представители разных дисциплин, но также СМИ, представители гражданского общества и политики, мы задумали три сессии-прожектора, посвященные трем актуальным тенденциям и конфликтам.

Первая сессия посвящена расизму и исламофобии. Поскольку с наступлением эпохи гражданских прав открытый расизм повсеместно подвергается осуждению, то возникает вопрос о том, как можно концептуализировать и измерять его более тонкие и диффузные проявления в настоящее время? Эта сессия будет посвящена, в частности, росту исламофобии. Насира Гениф утверждает, что интеграция не может быть решением проблемы расизма и а fortiori исламофобии в настоящее время, а риторика интеграции во Франции и других странах подпитывает расистские практики и дискурсы, а также позволяет проводить политику пренебрежения и открывает путь устойчивой исламофобии. По мнению Франсуа Бургата, напряженность и разрывы между Европой и мусульманским миром, как внутренние, так и региональные, могут анализироваться как результаты различной исторической динамики. По его мнению, наиболее важные из этих разрывов имеют мало отношения к глобальным религиозным проблемам, а скорее обусловлены внутренними, в т.ч. политическими факторами. Социолог и активистка, Ранда Абдель-Фаттах, покажет, каким образом мусульманское «руководство» осуществляет предательство в отношении маргинальных сообществ Австралии. Оно продвигает соблазнительные представления и сценарии здравого смысла об «умеренных, аполитичных интегрированных» мусульманах, глубоко укоренившиеся за два десятилетия борьбы с терроризмом. При этом в борьбе с исламофобией продвигаются либеральные мультикуралистские представления об инклюзии. Наконец, Фарид Хафез сосредоточится на исламофобии в мусульманских обществах как способе регулирования и дисциплинирования мусульман, что делает ее политической. Во многих мусульманских странах (например, в некоторых странах Западной Азии) государственные институты продвигают законодательство, дискриминирующее мусульман, которые политически вы-

ступают против тех, кто находится у власти. Таким образом, Хафез выходит за рамки динамики отношений между большинством и меньшинством.

Вторая сессия-прожектор представит социологический взгляд на войну в Украине. Российское вторжение в Украину потрясло весь мир. Это не изолированная война; ее исключительность заключается в том, что она способна перерасти в третью мировую войну, возможно, ядерную. Не ограничиваясь геополитическими последствиями, четыре участника дискуссии, Николай Генев, Ольга Куценко, Лариса Титаренко и Тамара Марценюк, исследуют трансформации российского и украинского обществ, которые позволили сформироваться социальным условиям, приведшим к войне. Они также рассмотрят возможные последствия этой войны для будущей трансформации обоих обществ. Война также имеет более широкие европейские последствия и ставит такие разнообразные вопросы, как развитие идеи Европы, последствия кризиса беженцев, глобальные социальные последствия нехватки продовольствия и энергии, академическая свобода в отношении критической оценки войны и т.д.

Последняя сессия этого цикла посвящена арабо-израильскому конфликту. Некоторые рассматривают этот конфликт как поселенческо-колониальный проект, который продолжается с 1948 года и установил систему апартеида против палестинцев. Другие аналитики рассматривают его как конфликт арабского и израильского еврейского национализмов. Независимо от того, как трактуется этот конфликт, ползучий процесс уничтожения пространства («spacio-side») оккупированных палестинских территорий очевиден на всех уровнях. Мирный процесс (известный как *Соглашение в Осло*) не остановил его. Многие израильские и палестинские ученые утверждают, что решение о сосуществовании двух государств потерпело крах с провалом Соглашений, принятых в Осло, и мы должны стремиться к построению единого светского государства для всех его граждан. Четыре участника дискуссии будут размышлять на эту тему: палестинские социологи Мохаммед Бамиех и Арей Саббаг-Хури, а также израильские социологи Ян Лустик и Лев Гринберг.

> Панель бывших президентов и история МСА

В июне 2023 года в Мельбурне мы будем отмечать двадцатый Всемирный социологический конгресс МСА. В ознаменовании этого юбилея в рамках своего президентского проекта я намереваюсь опубликовать тезисы всех предыдущих конгрессов и продолжить выдающуюся работу Дженнифер Платт «История МСА 1948-1997». Для выполнения этих задач было выполнено два исследования. Одно из них провела Жизель Сапиро, изучив пленарные заседания и программы исследовательских комитетов на прошлых конгрессах и проанализировав их меняющиеся формы и содержание с точки зрения тем, теории и методологии. Том Дуайер провел другое исследование, посвященное освещению истории МСА с 1997 года до наших дней. Бывшие президенты МСА Маргарет Арчер, Т.К. Ооммен, Альберто Мартинелли, Петр Штомпка, Майкл Буравой и Маргарет Абрахам также прокомментируют эти два исследования.

> Автор встречается с критиками

Для заседаний, посвященных этой тематике, мы выбрали шесть отличных книг, написанных или отредактированных социологами, работающими в разных географических локациях и занимающихся интересными актуальными темами. Вот их названия.

- *Critical Engagement with Public Sociology: A Perspective from the Global South* [Критическое взаимодействие с публичной социологией: Перспектива глобального Юга]. Под ред. Андрииса Безуиденхаута, Сонвабиле Мнвана, Карла фон Холдта (Eds. Andries Bezuidenhout, Sonwabile Mnwana, Karl von Holdt).
- Ален Кайе (Alain Caillé) *The Gift Paradigm: A Short Introduction to the Anti-Utilitarian Movement in the Social Sciences* [Парадигма дара: Краткое введение в антиутилитарное движение в социальных науках]
- Винченцо Чиккелли и Сильви Октобр (Vincenzo Cicchelli and Sylvie Octobre) *Aesthetic-Cultural Cosmopolitanism and French Youth: The Taste of the World* [Эстетико-культурный космополитизм и французская молодежь: Вкус мира]
- Шамиран Мако и Валентин М. Могадам (Shamiran Mako and Valentine M. Moghadam) *After the Arab Uprisings: Progress and Stagnation in the Middle East and North Africa* [После арабских восстаний: Прогресс и стагнация на Ближнем Востоке и в Северной Африке]
- Ипек Демир (Ipek Demir) *Diaspora as Translation and Decolonisation* [Диаспора как перевод и деколонизация]
- Дэвид Скотт Фицджеральд (David Scott FitzGerald) *Refugee beyond Reach: How Rich Democracies Repel Asylum Seekers* [Убежище за пределами досягаемости: Как богатые демократии отталкивают просителей убежища].

> И многое другое

Исследовательские комитеты по-своему интерпретировали темы этой конференции и отобрали доклады с различными подходами. Кроме того, местный организационный комитет Австралии организовал четыре сессии, посвященные таким крайне интересным темам, как беженцы, изменение климата, коренные народы и современное неравенство в Австралии. В программе конгресса, разумеется, отведено место для интегративных сессий и заседаний национальных, региональных, языковых и тематических ассоциаций, а также специальных сессий по профессиональному развитию. Накануне Конгресса состоится несколько предконгрессных мероприятий различных исследовательских комитетов и Австралийской социологической ассоциации (местной принимающей стороны). Особенно хотелось бы отметить семинар для победителей и финалистов Всемирного конкурса молодых социологов МСА, в котором примут участие пятнадцать молодых социологов из четырнадцати стран.

Нет необходимости напоминать, что Мельбурн – это фантастическое место для встречи. Это энергичный и дружелюбный город с общественным искусством, множеством парков и отличной кухней, а также доступными вариантами проживания для гостей. Я надеюсь увидеть вас всех в конце июня 2023 года! ■

Адреса для связи: <sh41@aub.edu.lb>, Twitter: [@hanafi1962](https://twitter.com/hanafi1962)

> Возвращение очных конференций в (почти) постпандемическом мире

Анахи Виладрич, Городской университет Нью-Йорка (CUNY), США

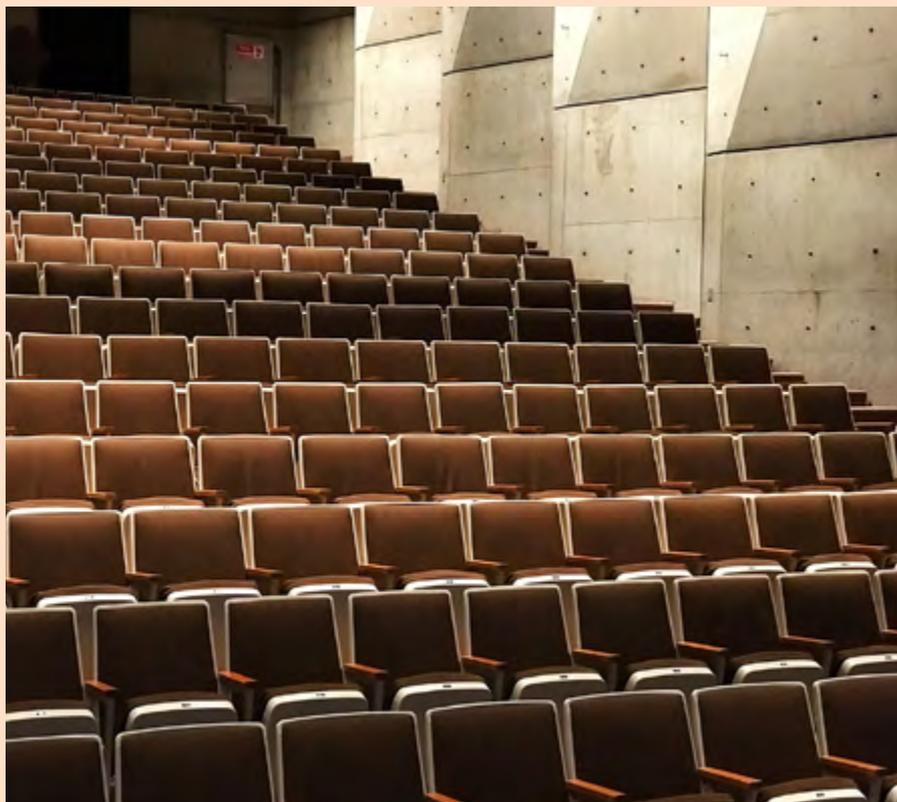

Фото: Unsplash.

В августе 2022 года я прилетела в Лос-Анджелес, чтобы принять участие в 117-й ежегодной встрече Американской социологической ассоциации (ASA) - первом очном мероприятии, которое я посетила более чем за два года. Я была счастлива снова встретиться с коллегами, но все еще опасалась слишком близко приближаться к людям и испытывала серьезные сомнения по поводу участия в этом полностью очном четырехдневном мероприятии, на котором присутствовало более 4 500 человек. Несмотря на то, что я полностью вакцинирована и привита и уже успела переболеть COVID-19 (точнее, болела дважды), я чувствовала себя неуверенно, находясь в помещении с тысячами коллег - пусть даже и в маске.

Взвешивая свои возможности, я задумалась о плюсах и минусах виртуальных и личных встреч и решила заняться тем, что лучше всего получается у социологов: исследовать преимущества каждого из этих форматов. В этой статье я анализирую полученные знания и делюсь некоторыми практическими рекомендациями о том, как сделать очные конференции более эффективными в (почти) постпандемическую эпоху.

> Пройдя полный круг

Вскоре после первой вспышки COVID-19 было признано, что конференции в Zoom [демократизируют наш доступ](#) к знаниям и возможностям общения. В течение следующих двух с половиной лет онлайн-встречи оказались самым дешевым и простым способом объединить академические и профессиональные сообщества, не выходя из собственных домашних офисов и даже спален. Поток вещания не только означает, что мы можем посещать мероприятия из любой точки мира, но и оставляет [меньший углеродный след](#), тем самым помогая смягчить последствия изменения климата. До COVID-19 нам всем приходилось выкраивать время для поездок на конференции, которые часто проходили в отдаленных местах, что обычно влекло за собой долгие переговоры с администрацией колледжа с целью получения финансирования на регистрацию, авиабилеты, проживание и питание.

Большинство из этих проблем, казалось, совсем исчезли, как только мы вышли в сеть в марте 2020 года. Однако со временем мы начали все больше [уставать](#) от экрана, не

>>

говоря уже о бесконечных технологических сбоях и проблемах с микрофоном, с которыми мы все время сталкивались. Повсеместно рассказывают истории о том, как во время онлайн-презентации в туалете спускают воду или плачут дети! Перевод [максимального количества конференций в виртуальный формат](#) также часто означает, что мы тратим мало времени на посещение презентаций и секционных заседаний наших коллег. На самом деле, многие учебные заведения ожидают, что их преподаватели будут продолжать выполнять свои повседневные обязанности во время участия в виртуальных конференциях.

Мои первоначальные колебания по поводу участия в заседании АСА в этом году, в сочетании с опасением оказаться на мероприятии с высоким риском заражения, были уравновешены сильным желанием [общения лицом к лицу](#). Обширная литература, содержащая [советы и рекомендации](#), помогла мне справиться с переживаниями. Ниже приводится краткое изложение того, чему я научилась и как все в итоге сложилось.

1. Руководство по безопасности и понимание, чего ожидать. Как и большинство профессиональных организаций, проводящих в настоящее время очные мероприятия, АСА сделала безопасность своим приоритетом, и [протоколы COVID-19](#) действовали на протяжении всего мероприятия. Общение между организаторами конференции и участниками перед мероприятием не только определило стратегии безопасности, но и сформировало ожидания участников. Перед приездом мы должны были загрузить в электронном виде сертификаты прививок в базу данных конференции; сертификаты также проверялись на месте проведения конференции по прибытии. Мы все знали, чего ожидать: отсутствие прививок или маски означало отказ во въезде.

2. Подотчетность и кодекс чести. Будучи ответственными гражданами, мы старались минимизировать риск заражения и передачи страшного вируса, хотя его нельзя было окончательно исключить. Мы сохраняли физическую дистанцию и продолжали носить маски в помещениях даже во время представления докладов. Благодаря прекрасной летней погоде в Лос-Анджелесе многие мероприятия проходили на открытом воздухе, поэтому у нас было достаточно места для общения.

3. Выравнивание поля. Многие из нас не избежали общего чувства [коллективной «странности»](#): будучи благодарными за возможность общения с другими людьми, мы испытывали некоторую неуверенность в том, как обращаться к коллегам, а также в том, как справиться с неудобствами, вызванными необходимостью сохранения физической дистанции. Более того, многие из нас несколько растеряли навыки ведения светской беседы. В АСА некоторые из моих более молодых и менее опытных коллег говорили мне, что им было трудно «растопить лед» в беседе. Как и любой навык, социальная подкованность - это то, в чем нужно практиковаться. Это особенно актуально для людей, травмированных потерей или продолжающейся болезнью, для которых закрытые помещения могут казаться кишашей микробами игровой площадкой.

К счастью, бейджи конференции включали только имена и фамилии участников - без дополнительной информации об их институциональной или профессиональной принадлежности. Эта мера помогла избежать предубеждений в отношении статуса, звания и принадлежности к университету, что способствовало спонтанному общению между участниками. Кроме того, большинство из нас испытывали почти физический зуд от желания пообщаться с коллегами и поделиться рассказами о том, как мы пережили пандемию. Общение с реальными людьми и рукопожатия - это то, что мы больше не воспринимаем как нечто само собой разумеющееся. В конце концов, наши истории о переживании COVID-19 дали нам почву для общения друг с другом.

4. Возвращение к полноценному присутствию. Ни одна виртуальная платформа не может по-настоящему заменить магию отношений в реальной жизни: основу того, что на социологическом жаргоне называется «социальным капиталом на местах». Говоря простым языком, функция «болтовни» на реальных конференциях - это почти как спид-дейтинг. Вы сталкиваетесь с заведующим кафедрой, редактором журнала или младшим коллегой, стоя в очереди за кофе, и вдруг случайный разговор становится вашим пропуском к новой работе или к контракту на книгу. А может быть, полетят искры, и вы найдете [любьвь всей своей жизни](#). Узнав о смежных проектах во время презентаций коллег, можно почерпнуть новые идеи, повысить свою научную квалификацию и завязать продуктивную беседу во время кофе-брейков или на приемах конференции.

> Путь вперед

В этом году я чуть не пропустила очную встречу АСА. Оглядываясь назад, я рада, что не сделала этого. Старая фраза о том, что [участие в конференциях - это гораздо больше, чем просто представление своей работы](#), стала для меня более понятной, чем когда-либо прежде. Однако, хотя очные мероприятия имеют решающее значение для [выживания профессиональных организаций](#), они все еще отражают ключевые структурные неравенства, которые были эндемичными до COVID-19. К ним относится то, что я называю «режимом конференции в пятизвездочном отеле», который благоприятствует тем, у кого есть институциональные ресурсы (читай: деньги), в ущерб менее обеспеченным университетам, представителям меньшинств и аспирантам. К счастью, призывы сделать очные мероприятия доступными для всех, включая приглашение участников из развивающихся стран, стали приоритетом для многих профессиональных организаций, включая АСА.

Что ждет нас в будущем, пока неясно, но независимо от возможных сценариев пандемии, потоковые и онлайн мероприятия (как синхронные, так и асинхронные), безусловно, останутся - пусть и в гибридной форме. Тем временем я с нетерпением жду следующего очного мероприятия, где присутствие «здесь и сейчас», надеюсь, побудит нас поделиться лучшей версией самих себя, как преданных ученых и сострадательных людей. ■

Адреса для связи: <Anahi.Viladrich@qc.cuny.edu>, Twitter: [@prof_anahi](#)

> Глобальная социология как обновленный глобальный диалог

Джеффри Плейерс, Католический университет Лувена (Бельгия), вице-президент МСА по исследованиям (2018-23)

Фотомонтаж: Арбу, 2023.

После своего расцвета в 1990-х годах глобальная социология подверглась жесткой критике со стороны подходов, включающих субалтерн, постколониальные, деколониальные, феминистские и гендерные исследования, теории Юга, а также другие «эпистемологии Юга». При всей своей неоднородности и расхождениях, эти подходы сходятся в оспаривании легитимности глобальной социологии, которая отождествляется с европоцентризмом и доминированием социологов Севера/Запада.

Эпистемическая повестка дня, выдвинутая этими критическими теориями, состоит из двух этапов. Первый - это деконструкция европоцентризма, на котором, как утверждает Суджата Патель, основана глобальная социология и большинство когнитивных фреймов нашей дисциплины. Это бросает вызов доминирующим на Западе формам производства и распространения знаний, а также европоцентристским мировоззрениям. Энрике Дуссель показал, что колониальность и завоевание Америки - это не побочная проблема современности, а основополагающее событие, на котором она была построена и через которое она продолжает себя воспроизводить. Западные субъективности построили себя в отношениях господства

над «другими». Анализ социальных акторов, механизмов и институтов, которые создали, поддерживали, воспроизводили и обновляли эти формы социального и эпистемического господства, является важной задачей современных социальных наук. Она включает рефлексивный анализ своей собственной прошлой и нынешней роли в воспроизводстве этой социальной и эпистемической системы.

Второй шаг - обратить внимание на мировоззрение, опыт и знания, которые были «невидимы» и отрицаемы процессом модернизации. Движения коренных народов, экологические, феминистские, крестьянские движения и движения меньшинств сделали эту задачу важной частью своей освободительной борьбы. Такую же задачу должны поставить перед собой социологи Глобального Севера и Глобального Юга. Для профессиональных социологов этот шаг, в частности, включает в себя раскрытие вклада в нашу дисциплину исследователей, акторов, авторов и ученых, которые слишком долго оставались без внимания.

> Социальная и эпистемическая борьба

Основные идеи, на которых строятся такие критические перспективы, возникли наряду с академической

социологией или на ее периферии. В Латинской Америке появление *деколониального подхода* является одной из самых ярких иллюстраций того, что большинство значимых дебатов в социальных науках начинаются в среде общественных движений, особенно движений коренных народов, а затем постепенно проникают в академический мир. За последние три десятилетия критически настроенные интеллектуалы, социальные движения, ученые Глобального Юга и представители угнетенных слоев (в частности, представители феминистских движений и меньшинств) глубоко изменили наше представление о мире, современности, справедливости и «прогнесе». Мелкие фермеры, коренные народы, активисты и движения Глобального Юга разработали такие подходы, как *экофеминизм* и *buena vivir* [достойная жизнь] (напр. *Sumak Kawsay* в Эквадоре), оказавшие глубокое влияние на наше понимание экологии, природы (частью которой мы являемся) и самих себя. Аналогичные процессы происходили и на Глобальном Севере. Понятие «интерсекциональность» появилось в борьбе феминистского и черного движения; оно сформулировано Креншоу, которая является не социологом, а активисткой и юристкой. Таким образом, многие современные ключевые концепции возникли в социальных движениях, т.е. «снизу».

Открытость эпистемологии Севера изучению позиций и уроков Глобального Юга приводит к признанию того, что социальные акторы производят знание не только практического свойства, но также разрабатывают теоретические подходы, эпистемологии и формируют мировоззрение («космовидения»). Действительно, коренные, крестьянские и феминистские движения рассматривают защиту альтернативных мировоззрений как важнейшую часть борьбы за социальную справедливость. «Наша борьба носит политический и эпистемический характер», - утверждал Луис Макас, лидер Конфедерации коренных национальностей Эквадора (CONAIE). Переноса эту борьбу на академическую арену, Боавентура де Соуза Сантос утверждает, что «не существует социальной справедливости без эпистемологической справедливости» и продолжает бороться за «конец когнитивной империи».

Барьеры, отделяющие академические эпистемологические дебаты между учеными от общества, уже сломаны. «Социальная и эпистемическая борьба» является не только объектом наших исследований, но пронизывает всю нашу дисциплину. Эпистемология и социология являются частью поля борьбы проектов эмансипации и, следовательно, частично трансформируются ими.

> Актуальна ли еще глобальная социология?

Является ли проект глобальной социологии все еще легитимным после этой интенсивной волны критики? Или «глобальная социология» неразрывно связана с европоцентристским (колониальным, патриархальным и капиталистическим) современным проектом и мировоззрением? Должна ли социология отказаться от этого

проекта, чтобы восстановить справедливость в отношении знаний, уходящих корнями в местный опыт, борьбу и конкретные культуры? Должны ли мы сосредоточиться на восстановлении региональных и национальных историй социологии, чтобы содействовать признанию вклада национальных и региональных авторов и ученых, которые прежде были невидимы?

Деклониальный поворот призывает западных социологов отказаться от привычки быстро универсализировать результаты своих исследований, концепции и видение освобождения. Он требует, чтобы мы признали эпистемическое господство, укоренившееся в европоцентричной социологии, и значительный теоретический вклад ученых и деятелей разных регионов мира, представителей угнетенных слоев населения в историю и современное развитие нашей дисциплины. Этот поворот требует пересмотра канона нашей дисциплины и обновления *глобальной социологии*, которая слишком долго была западной социологией (а на самом деле лишь частью западной социологии). Однако деклониальный поворот не отменяет проект глобальной социологии. Мексиканское движение сапатистов показало, что продвижение «мира, в котором есть место для многих миров» не подразумевает отказа от глобальной перспективы, а совсем наоборот.

Чтобы восстановить глобальную социологию после совершения деклониального поворота, необходимо чтобы критика евроцентризма и визуализация альтернативного знания были дополнены третьим необходимым шагом - [межкультурным диалогом](#). Это требует от исследователей признания своей позиции и готовности учиться у других. Такая позиция должна стать одновременно социологической, культурной и личной. Она должна быть основана на готовности подвергнуть себя риску (и надежде) утратить некоторые привычные данности и извлечь уроки из встречи с другим. При таких предпосылках социология становится коллективным проектом, объединяющим рефлексивных исследователей в общем стремлении лучше понять наш мир и тех, кто его преобразует.

Без этого шага к открытому межкультурному глобальному диалогу обновление критических позиций и теорий подвергается трем рискам: фрагментации, изоляции (из-за трудностей выхода за пределы внимания маргинальных движений и критических ученых) и гомогенизации западных социальных наук и знания как доминирующих и южных социальных наук, и знания как эмансипирующих. Чтобы обновить глобальную социологию и вернуть ей актуальность, необходимо «провинциализировать» ее европейские корни и содержание. Как справедливо объясняет Чакрабартти, это не предполагает отказа от всех западных социологических понятий и теорий (и не обесценивает критическую теорию), но рассматривает их как значимую часть более комплексной глобальной социологии, которая опирается на истоки и наработки разных регионов мира.

>>

В своей выдающейся работе «Критика черного разума» Ахил Мбембе разработал радикальную и убедительную критику колониального измерения модерности и нашей эпохи. Не случайно эпилог его книги называется «Есть только один мир». Мбембе настаивает на связанности человечества и необходимости развития новой космополитической перспективы: «Хотим мы этого или нет, но факт остается фактом: мы все живем в этом мире [...] Признание различий является лишь одной из граней более масштабного проекта - проекта универсального грядущего мира, освобожденного от бремени расы, обиды и жажды мести, которую вызывает любой расизм». Деколониализация истории направлена на восстановление общей истории, а не только истории колонизованного народа. Точно так же наша цель - восстановление общей социологии с участием социологов и акторов Глобального Юга и тех, кто занимает маргинальные позиции, не только для них, но и для всех нас.

Таким образом, величайший вызов нашего времени - это постепенное становление планетарного сознания. Если социология справится со своими задачами, она внесет свой вклад в это планетарное сознание. Для этого глобальная социология не должна оставаться укорененной в западных университетах, ограничиваться канонами, которые претендуют на универсальность, или заниматься критикой западной социологии. Как предлагает Гурминдер Бхамбра, она должна объединить социологии и на этой основе восстановить общую социологию, разнообразную, но опирающуюся на общие основания, возникающие в ходе глобальных диалогов.

> МСА как инструмент обновления глобальной социологии

Построение обновленной глобальной социологии путем полного включения в общую социологию исследований, эпистемологий и ученых из Глобального Юга и угнетенных слоев населения было одной из основных миссий МСА в последние десятилетия.

По словам Сари Ханафи и Чин-Чун Йи, собравших материалы Четвертой Конференции национальных социологических ассоциаций в книге «Социологии в диалоге», МСА основывает свои стратегии на убеждении, что открытый диалог между социологами разных континентов «критически важен для решения основных социологических проблем во всем мире». Исследовательский совет МСА создал целевую группу для обмена передовым опытом и выработки конкретных предложений по продвижению равенства, разнообразия и инклюзивности в МСА и его исследовательских комитетах. Открыть пространство для

авторов Глобального Юга - это общая миссия журналов и книжных серий МСА. Распространение социологических взглядов, развивающихся на разных континентах, и содействие их взаимному обогащению - смысл существования журнала МСА «Глобальный диалог». Социальные сети МСА способствуют обмену информацией, знакомству с аналитическими находками и теоретическими перспективами разных континентов. Однако даже в век Zoom встречи лицом-лицу часто остаются наилучшей средой для развития личных отношений, которые закладывают основу взаимопонимания, несмотря на различия в позициях, аргументах и культурах. Именно поэтому социологические всемирные конгрессы и форумы являются столь важными событиями для сообщества, и именно поэтому исследовательские комитеты сочетают виртуальные конференции с личными встречами. Наша задача остается прежней - создание инклюзивного и разнообразного международного сообщества ученых, способного обновить глобальную социологию. Для этого нам необходимо демократизировать глобальную социологию и доступ к международным аренам, сохраняя при этом значимость создания социальных связей, основанных на личных встречах.

Признание, «визиблизация» и изучение социологии исследователей и акторов Глобального Юга и из маргинальных слоев населения — это не только вопрос повышения демократичности социологии за счет соответствия некоторым критериям разнообразия и обеспечения справедливого доступа к распространению знаний. Это также поиск более информированной и актуальной социологии, способной предоставить более сложный и многоситуативный анализ проблем, стоящих перед нашими обществами. Бразильский педагог Паулу Фрейре учил нас, что перспективы и анализ угнетенных субъектов дают лучшее понимание их реальности и общества. Вклад феминистских ученых и активисток во время пандемии COVID-19 продемонстрировал их способность пополнить знания о нашем мире и его проблемах, выходящих далеко за рамки феминистской деятельности и гендерного равенства. Аналогичным образом, аналитический и теоретический вклад социологов Глобального Юга помогает нам понять реальность и проблемы этого региона, а также достичь лучшего и «более глобального» понимания жизни и общества на Глобальном Севере. Эпистемологии Юга вместе с феминистскими, экологическими, индигенными и интерсекциональными подходами - это не просто альтернативные варианты социологии XXI века. Они лежат в основе глобальной социологии и глубоко изменили нашу дисциплину. ■

Адреса для связи: <Geoffrey.Pleyers@uclouvain.be>, Twitter: [@GeoffreyPleyers](https://twitter.com/GeoffreyPleyers)

> Почему нам нужна новая теоретическая рамка для изучения ультраправых на Глобальном Юге

Розана Пиньейро-Мачадо, Университетский колледж Дублина (Ирландия) и Татьяна Варгас-Майя, Федеральный университет Рио-Гранде-ду-Сул (Бразилия)

Иллюстрация бразильского художника и политического ученого Ribs (https://twitter.com/o_ribs и <https://www.instagram.com/o.ribs/>) для Обсерватории общественных движений Центра исследований по социальной теории и Латинской Америке (NETSAL-IESP/UERJ). Рис.: Ribs, 2021.

Обширная научная литература предпринимает попытки объяснить подъем - или возрождение - ультраправых в мире после 2010 года. В этой небольшой статье мы утверждаем, что нам необходим новый подход к пониманию этого явления, основанный на перспективе Глобального Юга¹, в котором понятия «колониализм» и «колониальность» играют центральную аналитическую роль (Masood and Nisar, 2020; Tavares Furtado and Eklundh, 2022). В международной литературе страны Глобального Юга часто представляются как примеры, тематические исследования или варианты более широких политических событий, в центре анализа которых находятся США и Европа. Проблема такого колониального академического мышления заключается в том, что такие страны, как Бразилия и Филиппины, пережили - и заново изобрели - одно из самых радикальных

и жестоких проявлений авторитаризма в мире. Глубокий ущерб, нанесенный администрацией Жаира Болсонару окружающей среде, неизмерим, однако, он получает лишь редуцированное международное академическое и журналистское внимание. Это препятствует лучшему пониманию того разрушительного воздействия, которое экстремисты оказывают на мир.

Работы, посвященные недавней популистской и авторитарной волне, мало освещают различия Глобального Севера и Глобального Юга, полагаясь в основном на анализ европейских и американских партий и движений (например, Brown, Gordon, and Pensky, 2018; Eatwell and Goodwin, 2018; Hawley, 2017; Hermansson, Lawrence, Mulhall, and Murdoch 2020; Inglehart and Norris, 2016; Mondon and Winter, 2020; Mudde, 2017; Mudde 2019;

>>

Mudde and Kaltwasser, 2018). В результате выявляется ограниченный, но претендующий на универсальность, репертуар, который фокусируется на процессах, объясняющих рецессию в богатых странах, крах государства всеобщего благосостояния, миграционные проблемы, обнищание и недовольство рабочего класса, дедемократизацию и бунт против либеральной демократии.

> Контекст появления современных ультраправых

Прежде всего, мы должны выяснить социальный, экономический, культурный и политический контекст, в котором (повторно) возникают ультраправые. В этом отношении крайне уместно обратиться к опыту некоторых стран с развивающейся экономикой. Когда к власти пришли Нарендра Моди (в 2014 году в Индии), Родриго Дутерте (в 2016 году на Филиппинах) и Жаир Болсонару (в 2018 году в Бразилии), в этих странах не было краха прежней формы государства всеобщего благосостояния. Напротив, в этих обществах бедные выходили из нищеты, а авторитаризм не был новинкой, а, скорее, казался очень перспективным. В то время Индия и Филиппины постоянно поддерживали высокий уровень экономического роста. Хотя Бразилия избрала Болсонару в условиях рецессии, возрождение ультраправых произошло одновременно с пиком экономического развития страны (Rocha, 2018). Эти страны не сталкивались с так называемым кризисом беженцев, когда иммигранты, якобы, отнимают рабочие места у автохтонного населения. Вместо этого в этих странах появились расиализированные «внутренние враги».

Повторное появление ультраправых в колонизированных и периферийных частях земного шара - отмеченных постоянным авторитаризмом, консерватизмом, прекарностью и колониальностью - не может быть объяснено на основе недифференцированной теоретической рамки, которая изначально была разработана на основании европейско-американско-западной оптики. В работе, посвященной пронизательной деколониальной критике академического дискурса о крайних правых, Масуд и Нисар (Masood and Nisar, 2020) утверждают, что всеобъемлющий анализ крайне правого популизма должен учитывать неоднородность этих движений на Глобальном Севере и Глобальном Юге. Мы не считаем, что опыт Глобального Севера следует игнорировать. Глобальная экономическая рецессия 2008 года, референдум по Brexit в Великобритании в 2016 году и избрание Дональда Трампа в США стали ключевыми событиями, породившими волны авторитаризма во всем мире, а также контекстуальные стимулы и возможности этих движений. Страны Глобального Севера осуществляют власть над странами Глобального Юга и постоянно экспортируют экстремистские идеологии. Кроме того, цифровые социальные сети, взаимосвязанная глобальная экономика, транснациональные сети власти и теории заговора - вот некоторые элементы, которые придают глобальный характер современной волне авторитарного популизма.

> Исследования новых ультраправых: элементы сравнительной и глобальной повестки

Хотя изучение авторитаризма и популизма на Глобальном Юге имеет давние традиции, исследования новых ультраправых не сразу заметили и охватили такие страны, как Бразилия и Индия. Книга *The Populist Radical Right: A Reader* [Радикальные правые популисты: хрестоматия] под редакцией Каса Мадде, опубликованная в 2017 году, является, в первую очередь, региональной по предмету изучения, поскольку фокусируется, в основном на Европе, но воспринимается как универсальная. Надо признать, что феномен Болсонару привлек глобальное внимание. Однако на эпистемологическом пути этого процесса, похоже, продолжают доминировать колониальные формы производства знания, сохраняющиеся в академических кругах. Недавно Бразилия была включена в несколько проектов, исследующих новых ультраправых на Глобальном Юге, и к ней применяются те же аналитические инструменты. Соглашаясь с Масудом и Нисаром (2020), мы считаем, что исследовательский процесс должен быть перевернут с ног на голову: некоторые ключи к пониманию нынешнего глобального феномена может дать анализ незавершенной или гибридной модерности Глобального Юга.

Хотя причины и социальные условия, которые привели к возрождению популистской правой политики в южных странах, проанализированы в большом количестве текстов, понимание этого явления остается узким и фрагментированным. Этому пониманию не хватает теоретических рамок, позволяющих исследовать, почему несколько развивающихся демократических держав вновь обратились к авторитарной политике. Сосредоточив внимание на опыте южных стран, мы должны изменить оптику нашего видения опыта стран, переживших колонизацию, и расширить концептуальные диапазоны и границы (а не отрицать их). Новая повестка исследований ставит следующие вопросы. Что нового в новых правых? В чем сходство и различие между авторитарным популизмом Болсонару или Дутерте и прошлыми диктаторскими режимами? Какие уроки Глобальный Север может извлечь из опыта стран, которые уже давно отмечены проявлениями экстремистской политики? Эти обновленные формы экстремизма, неонацизма и авторитаризма сочетаются с жесткой неолиберальной рациональностью, господствующей в условиях социальной нестабильности; они проявляются также в новых технологиях, которые усиливают - и делают мейнстримом - популизм XXI века.

Возможно, основные различия между ультраправыми на глобальном Севере и Юге заключаются в интенсивности и масштабе их влияния. Однако такая интенсивность и такой масштаб должны быть поняты в контекстуальных рамках исторических особенностей. Например, Трамп и Болсонару могут делать схожие нетерпимые заявления, пользуясь одними и теми же каналами социальных сетей,

>>

полагаясь на идентичную тактику «собачьих свистков». Однако эффект от одинаково ненавистнических высказываний будет совершенно разным в странах с разной степенью экономического развития и консолидации демократических институтов. Большинство исследователей ультраправых уделяют большое внимание сходству между популистскими авторитаризмами, но не менее важно отдавать себе отчет в том, что крестовый поход против гендерных и сексуальных прав на Глобальном Юге будет гораздо более яростным и, следовательно, более вредоносным, чем на Глобальном Севере.

> Особенности Глобального Юга

Пять позиций должны быть учтены при выработке нового теоретического подхода, который позволит уяснить некоторые из многочисленных особенностей Глобального Юга:

1. **Экономический спад и политическая субъектность.** В литературе, посвященной ультраправым, основное внимание уделяется фигуре обиженных обнищавших белых мужчин. В отличие от них, колонизированные страны Глобального Юга постоянно характеризуются конфликтами и рецессией. Тем не менее, стремительный экономический рост развивающихся стран также является предметом, способствующим развитию новых типов политического участия. В то время как ностальгия по славному прошлому имеет фундаментальное значение для понимания неонацистской субъектности на Глобальном Севере, на Глобальном Юге эта категория должна быть переосмыслена.

2. **Нюансы национализма и ксенофобии.** В колонизированных странах национализм выражается по-разному. Как уже упоминалось выше, некоторые страны Глобального Юга могут быть ориентированы не на славное прошлое, которое нужно превозносить, а на будущее, которое нужно проецировать. Эти страны, скорее имеют внутренних врагов (расовые меньшинства), чем внешних (иммигранты или беженцы). Хотя основанием ультраправых проектов является расизм, британское превосходство белых приобретает иной смысл, чем, например, превосходство индусов в Индии.

3. **Наследие диктатуры и всесиялия силовиков.** Несколько стран Глобального Юга пострадали от последствий кровавых диктатур, которые привели к устойчивому насилию в армии и полиции по отношению к расовым и уязвимым группам, которые никогда не жили в условиях демократии.

4. **Религиозный и моральный консерватизм в несветских демократиях.** Светскость является основным принципом устоявшихся демократий. В то же время, новые демократии на Глобальном Юге пытаются преодолеть религиозное вмешательство в политические дела и вредные последствия фундаментализма, который действует как дисциплинарный режим, контролирующий тело и сексуальность.

5. **Соппротивление.** Ультраправые вновь появились на Глобальном Юге, и это явление, похоже, здесь сохранится надолго. Некоторые из наиболее важных и творческих реакций против такой политической тенденции дают феминистские общественные движения стран Латинской Америки, таких как Аргентина и Чили.

Этот печень из пяти характеристик не является исчерпывающим и не работает в универсальной перспективе. Каждая из них может пролить свет на повседневные проявления авторитаризма в странах Глобального Юга. Мы считаем, что для лучшего понимания причин и последствий ультраправых на Глобальном Юге необходимо проводить больше сравнительных исследований. Такая работа может изменить наше понимание этого политического явления в современном мире. ■

Адреса для связи:

<rosana.pinhoiro-machado@ucd.ie>, Twitter: @pinheira,
<vargas.maia@ufrgs.br>, Twitter: @estocastica

1. См. Pinheiro-Machado and Vargas-Maia, 2018. Эта статья также является сокращенной и адаптированной версией введения к нашей книге 2023 года.

Литература

- Brown, W., Gordon, P. E., and Pensky, M. (2018) *Authoritarianism: three inquiries in critical theory*. [Авторитаризм: три исследования в традиции критической теории.] Chicago, University of Chicago Press.
- Eatwell, R., and Goodwin, M. (2018) *National populism: The revolt against liberal democracy*. [Национальный популизм: восстание против либеральной демократии.] Penguin UK.
- Hawley, G. (2017) *Making sense of the alt-right*. [Понять новых правых.] New York, Columbia University Press.
- Hermansson, P., Lawrence, D., Mulhall, J., and Murdoch, S. (2020) *The International Alt-right: Fascism for the 21st century?* [Международные новые правые: фашизм 21 века?] London, Routledge.
- Inglehart, R. F., and Norris, P. (2016) *Trump, Brexit, and the rise of populism: Economic have-nots and cultural backlash*. [Трамп, Брексит и подъем популизма: экономические неимущие и культурная реакция.] Harvard JFK School of Government Faculty Working Papers Series. 1-52.
- Masood, A., and Nisar, M. A. (2020) *Speaking out: A postcolonial critique of the academic discourse on far-right populism*. [Высказывание: Постколониальная критика академического дискурса о крайне правом популизме.] Organization. 27(1), 162-173.
- Mondon, A., and Winter, A. (2020) *Reactionary democracy: How racism and the populist far right became mainstream*. [Реакционная демократия: Как расизм и популистские ультраправые стали мейнстримом.] London, Verso Books.
- Mudde, C. (2017) *The populist radical right: A reader*. [Радикальные правые популисты: хрестоматия] London, Routledge.
- Mudde, C. (2019) *The far right today*. [Ультраправые сегодня.] John Wiley & Sons.
- Mudde, C., and Rovira Kaltwasser, C. (2018) *Studying populism in comparative perspective: Reflections on the contemporary and future research agenda*. [Изучение популизма в сравнительной перспективе: Размышления о современной и будущей повестке исследований.] Comparative Political Studies. 51(13), 1667-1693.
- Pinheiro-Machado, R. Vargas-Maia, T. (2018) *As Múltiplas faces do conservadorismo brasileiro*. [Лица бразильского консерватизма.] Revista Cult. 234, 26-31.
- Pinheiro-Machado, R. Vargas-Maia, T. (2023). *The Rise of the Radical Right in the Global South*. [Подъем радикальных правых на Глобальном Юге.] London: Routledge.
- Rocha, C. (2018) *"Menos Marx, mais Mises": uma gênese da nova direita brasileira (2006-2018)*. [«Меньше Маркса, больше Мизеса»: генезис бразильских новых правых (2006-2018).] Doctoral dissertation, São Paulo, Universidade de São Paulo.
- Tavares Furtado, H., and Eklundh, E. (2022). *Populism or the European condition?* [Популизм или состояние европейскости?] Journal for the Study of Radicalism. 16(2).

> Зеленые пакты и геополитика

экосоциальных переходов

Маристелла Свампа, Национальный университет Ла-Плата (Аргентина); **Альберто Акоста**, экономист и бывший председатель Учредительного собрания (Эквадор); **Энрике Виале**, юрист по вопросам окружающей среды (Аргентина); **Брено Брингель**, Государственный университет Рио-де-Жанейро (Бразилия) и Университет Комплутенсе де Мадрид (Испания); **Мириам Ланг**, Андский университет имени Симона Боливара (Эквадор); **Рафаэль Хетмер**, специалист по партиципаторным процессам разработки стратегий и кампаний, исследований и организационных изменений (Перу); **Кармен Алиага**, Коллегия координации действий в отношении окружающей среды (Боливия); и **Лилиана Буитраго**, Обсерватория экологической политики (Венесуэла).

Pacto
EcoSocial
eIntercultural
del SUR

Фото: Экосоциальный и межкультурный пакт Юга.

Экосоциальный и межкультурный пакт Юга был сформирован в первые месяцы 2020 года, после начала пандемии COVID-19. Его главной целью была поддержка экосоциального перехода «снизу вверх» для Латинской Америки. С самого начала эта платформа стремилась продвигать, усиливать и систематизировать разнообразный местный опыт, связанный с общинным контролем, территориальной автономией, продовольственным суверенитетом, агроэкологией, общинной энергетикой, экофеминизмом и другими видами борьбы.

Инициатива была продиктована острой необходимостью ответить на различные кризисы, которые переживает современный мир и стремлением разработать латиноамериканские альтернативы предложениям эко-социальных переходов и «зеленых пактов», которые появились в последние годы. Мы понимаем, что, в отличие от прогресса, достигнутого на всех континентах благодаря различным местным перспективам, эти гегемонные пакты недостаточны, поскольку в конечном итоге они воспроизводят статус-кво и усугубляют глубокую геополитическую асимметрию и неравенство между Севером и Югом.

Прошло более двух лет, и ситуация в мире ухудшилась. Сейчас мы погружены в контекст войны (вторжение России в Украину), которая усугубила энергетический и продовольственный кризис, и сталкиваемся с ускорением климатического кризиса. Более того, война способствовала усилению как традиционных, так и новых форм экстрактивизма, связанных с гегемонными «зелеными» переходами.

В этой статье анализируются три вопроса. Во-первых, мы рассматриваем некоторые ключевые особенности гегемонных «зеленых» пактов и формулируем нашу критику в их адрес. Далее мы обсуждаем геополитику эко-социальных переходов с точки зрения экологического долга. Наконец, мы выделяем предложения и проблемы продвижения справедливых переходов и намечаем горизонты интегральной экосоциальной справедливости.

> Противостояние экосоциального межкультурного пакта Юга и гегемонных «зеленых» пактов

Столкнувшись с неизбежными фактами экологического и системного [коллапса](#), энергетический переход стал целью широких корпоративных и политических кругов во всем мире. В большинстве своем они видят необходимость сокращения выбросов углекислого газа, но не ставят под сомнение текущий социальный метаболизм капитала. Их дискурсы и программы «перехода» основаны на корпоративистских, технократических, неоколониальных и даже экстрактивистских стратегиях, которые не предполагают структурной трансформации. Позиция *Экосоциального и межкультурного пакта Юга* ставит под сомнение эти подходы и признает необходимость глубинной экосоциальной трансформации в соответствии с логикой глобальной справедливости, которая является одновременно критикой и альтернативой гегемонным версиям перехода.

В последние годы появилось множество версий политики «зеленого курса» и «Нового зеленого курса». Они разнообразны и неоднородны, но в целом сформировали основу для политико-дискурсивного влияния на Глобальном Севере на программы сокращения выбросов углерода и содействие «справедливому» и якобы «устойчивому» экономическому росту. Климатическая справедливость часто находится в центре повестки этих «зеленых пактов», а «фон-

ды возмещения ущерба» предназначены для сообществ, которые исторически пострадали от негативного воздействия на окружающую среду. Но слишком часто климатическая справедливость останавливается на полпути. В своем стремлении перейти на возобновляемые источники энергии Глобальный Север редко учитывает последствия этого перехода для Глобального Юга. Это касается также большинства контрпредложений, сформулированных различными группировками левых политических сил, названных [«Новыми зелеными сделками»](#) (с аллюзией на исторический «Новый курс» Франклина Д. Рузвельта), которые в целом предполагают более сильное государственное вмешательство в социальную политику, экономическое регулирование и создание рабочих мест, в то время как другие «Зеленые пакты» оставляют больше возможностей для корпораций и рынков руководить процессом перехода.

В целом, все *зеленые пакты Глобального Севера* признают неотложность проблемы изменения климата и необходимость сочетания экономической справедливости с декарбонизацией. Несомненно, они являются шагом вперед по сравнению с невниманием и замалчиванием этой тематики. Но даже европейская программа *Green Deal* [Зеленый курс], возможно, самая амбициозная из государственных программ на сегодняшний день, не предлагает полной экономической трансформации и подвергается аргументированной критике. Между тем, *Green New Deal* [Новый зеленый курс - НЗК] в США в значительной степени остается далекой целью. Приверженность этой политике была подтверждена необязательной к исполнению резолюцией Конгресса, но не стала законом. Хотя вопрос о НЗК был частью предвыборной платформы Джо Байдена, его администрация уже расчистила миллионы гектаров для разработки нефти на шельфе. Со своей стороны, Китай, несмотря на Заявление о намерениях, зафиксированное в последнем пятилетнем плане, продолжает оставаться страной с массовым использованием угля и самыми высокими выбросами CO2 в мире в абсолютном выражении.

Многие из «зеленых пактов» сводят экосоциальный транзит к энергетическому переходу, в котором доминирует рынок. Как на Глобальном Севере, так и на Глобальном Юге преобладающим сценарием является корпоративный переход. Это можно рассматривать как реализацию той же логики концентрации и бизнеса, что и режим ископаемого топлива. Такая модель перехода увековечивает вертикальную схему территориального вмешательства, характерную для хищнического экстрактивизма.

Примером корпоративного перехода является «литиевый треугольник» (север Аргентины и Чили, а также юг Боливии), где наблюдается реорганизация добывающей промышленности с точки зрения «зеленого» перехода, удовлетворяющего нужды Глобального Севера, который нуждается в поставках батарей для электромобилей. Другой яркий пример - вырубка лесов эквадорской Амазонии для массового экспорта бальзовой древесины, используемой в строительстве лопастей ветряных турбин в Китае.

Необходимо проанализировать и подвергнуть критике это новое усиление экстрактивизма во имя «зеленого» энергетического перехода Севера. То, что гегемонные «зеленые пакты» называют «переходом», представляет собой лишь «диверсификацию» энергетической матрицы. Даже самые благие намерения на Севере, в местах, где действительно заботятся о сочетании социальной и экологической справедливости, «справедливый переход» часто ограничивается внутренними преобразованиями без учета влияния, которое они оказывают на Глобальный Юг.

Без децентрализации и деконцентрации энергии и изменения способа производства зеленые пакты способствуют экологическому переходу, который не отказывается от логики капиталистического накопления и продолжает делать ставку на бесконечный рост. Таким образом, сохраняется метаболическая неустойчивость модели ископаемого топлива, поскольку эта модель роста требует усиления эксплуатации и опустошения природы.

В противовес этим «северным» сценариям, чтобы противодействовать реколонизации, мы предлагаем концептуализировать справедливые переходы с точки зрения геополитического Юга. Мы также выступаем за отказ от секторальных концепций и разработку более многоотраслевого, целостного и интегрального видения экосоциальных переходов. Энергетический переход, который не решает проблему радикального неравенства в распределении энергетических ресурсов, не способствует декоммодификации и деколонизации, не укрепляет устойчивость и способность к регенерации гражданского общества и живой ткани. Такой переход приведет лишь к частичным реформам, не меняя структурных причин коллапса.

> Экологический долг и геополитика экосоциальных переходов

Наши предложения ставят экосоциальный переход в центр геополитики. В долгосрочной перспективе это подразумевает признание того, что отношения, пространства и потоки, движущиеся с Севера на Юг, обусловлены взаимосвязью историко-колониальной модели отчуждения, характерной для Латинской Америки, с капитализмом-империализмом Глобального Севера. В среднесрочной и краткосрочной перспективе речь идет о разоблачении «ложных решений», продвигаемых государствами и корпорациями, и выявлении их разрушительной роли на многочисленных территориях.

Геополитика экосоциальных переходов имеет несколько аспектов. Один из них - это рост глобального неравенства, связанный с интенсификацией добычи сырья в Латинской Америке. Наряду с этим, наблюдается также прямое негативное воздействие этого процесса на сообщества и утрата биоразнообразия. Так, например, согласно данным Всемирного фонда дикой природы, наблюдается чрезвычайное ускорение вымирания видов и сокращение численности популяций позвоночных живот-

ных с 1970 года в среднем на 68% во всем мире и на 94% в тропиках Латинской Америки. Все это свидетельствует о наличии экологического долга. И хотя его истоки лежат в колониальном грабеже, он усугубляется экологически неравным обменом и натурализованными притязаниями на экологическое пространство бедных стран, в результате хищнического образа жизни промышленно развитых стран.

При осмыслении экологического долга необходимо также учитывать давление на окружающую среду, рабочую силу и территории, вызванное экспортом природных ресурсов из стран Юга. Еще одной причиной роста экологического долга является прямой или косвенный трансфер загрязнений (отходы и выбросы) из богатых стран в другие регионы или получение у них компенсаций (в виде углеродных квот), которые снимают с них ответственность за загрязнение окружающей среды.

Экологический долг также является климатическим долгом, и существует огромный разрыв между Глобальным Югом и Глобальным Севером, сложившийся благодаря истории выбросов. Например, Европа и Северная Америка с 1750 года несут ответственность за более чем 60% выбросов углерода, в то время как на Южную Америку приходится всего 3%. Этот факт нельзя игнорировать, так же, как нельзя ограничивать экологический долг сферой денежной компенсации. Это происходит потому, что коммодификация природы и соответствующие экологические издержки сохраняют систему планетарной эксплуатации, которая совершенно непропорционально влияет на расово определенные и колонизированные народы.

Выдвигая тезис об экологическом долге, мы выступаем за комплексные стратегии, гарантирующие достойную жизнь народам Юга с точки зрения интегральной, онтологической и репарационной справедливости. В противоположность этому, предложения гегемонного перехода, не ориентированы на сокращение геополитических разрывов и влекут за собой серьезный риск углубления колониального и экологического долга перед Глобальным Югом. Ни климатическая справедливость, ни экосоциальные преобразования невозможны без возмещения этих долгов. Диалог между борющимися и критическими секторами Глобального Севера и Глобального Юга на данном этапе является стратегическим. Он далек от догматизма бинарных оппозиций и упрощений, но он с необходимостью стимулирует глобальные дебаты о том, кто кому должен, и содействует продвижению новых форм интернационализма между экотерриториальными активистами разных широт.

> Между справедливым энергетическим переходом и экосоциальными горизонтами интегральной справедливости

В наших дискуссиях о других реалиях Глобального Юга (см. недавний [Манифест народов Юга об экосоциаль-](#)

ном энергетическом переходе) мы отмечаем тенденцию к росту шельфовой добычи нефти, гидроразрыву пласта и еще большому числу мегапроектов, обеспечивающих чрезмерное потребление Глобального Севера. Аграрный экстративизм в форме интенсивной промышленной монокультуры присваивает все водные, воздушные и земельные ресурсы. Вызывает понятную тревогу огромная власть корпоративного контроля во всех наших странах. Хотя социально-экологические преобразования не могут быть ограничены только энергетическим вопросом, необходимо структурное преобразование энергетической системы, способа производства и отношений между обществом и природой. Ниже приводятся основные положения Экосоциального межкультурного пакта Юга в отношении энергетического перехода:

- Энергия — это право, а энергетическая демократия – необходимость для поддержания паутины жизни.
- Для ликвидации энергетической бедности необходимо сплетение социальной и экологической справедливости. Экосоциальная справедливость подразумевает демонтаж властных отношений, которые по-прежнему ставят во главу угла возможности исключительно привилегированной группы общества, исключая уязвимые слои и эксплуатируя феминизированные тела и природу.
- Мы должны декарбонизировать наши общества и экономики: на Юге выполнить эту задачу более сложно, чем на Севере, что вызвано экологическим, историческим и колониальным наследием эксплуатации, а также запасами сырья Глобального Юга.
- Необходимо отделить наши экономические, социальные и культурные структуры от ископаемых видов топлива, от мандата на эксплуатацию природы и представлений о развитии, которые все еще позиционируют Латинскую Америку как неограниченное «Эльдорадо».
- Должна измениться вся система, а не только энергетическая матрица. Вот наши лозунги: деконцентрация, деприватизация, декоммодификация, децентрализация, депатриархализация, деколонизация, восстановление и исцеление.
- Мы должны изменить не только способ производства, но также матрицу социальных отношений и отношений с природой.
- Энергия должна рассматриваться в реляционном ключе, таким образом мы сможем проявить нашу взаимозависимость и экозависимость от энергии.
- В переходный период важно остерегаться «ложных решений», например, ограничений и двойных стандартов в отношении возобновляемых источников энергии, лития и другим полезным ископаемым. Это включает в себя критический взгляд на консенсусы, которые корпорации

и государства достигают на таких площадках, как Конференции сторон для реализации энергетических моделей, рассматривающих спорные вопросы в отношении Юга, такие как зеленый, серый или голубой водород, умное сельское хозяйство, углеродные рынки, геоинженерия и другие предложения, направленные на сохранение нынешних властных отношений и энергетической асимметрии между Глобальным Севером и Глобальным Югом.

- Ископаемое топливо должно быть оставлено в земле.
- Мы должны обеспечить выплату экологического долга, не только в денежном, но и в структурном и символическом выражении, исходя из региональной или южной точки зрения.
- Жизненно важно содействовать де-эскалации и сокращению социального метаболизма: уменьшить потребление и производство материалов и энергии, переопределяя таким образом наше понимание благосостояния, не сводя его к материальному и денежному выражению.

К этим стратегическим направлениям в каждом контексте должны быть добавлены конкретные предложения, учитывающие различные реалии. Именно это мы недавно пытались сделать, продвигая вместе с [CENSAT Agua Viva](#) и другими латиноамериканскими организациями документ [Disminución planeada de la dependencia fósil en Colombia](#) [План сокращения зависимости от ископаемых в Колумбии] - коллективное предложение, направленное на диалог с проектом энергетического перехода, выдвинутым колумбийским правительством во главе с Густаво Петро и Франсией Маркес Мина.

С пониманием относясь к процессам перемен, происходящим в нашем регионе, но также осознавая значимость ретроградных и олигархических сил, мы, сторонники Экосоциального межкультурного пакта Юга будем продолжать двигаться вперед, сочетая протесты и предложения, критику и альтернативы развития. Мы возьмем на вооружение идеи и концепции, выработанные в последние десятилетия протестными движениями и присоединимся к их требованиям. Наши ценности – это права природы, жизнь в достатке, перераспределительная справедливость, забота, справедливый переход, автономия, постэкстративизм, экотерриториальный феминизм, продовольственный суверенитет и автономия. Именно поэтому мы отстаиваем радикально иной вид пакта: не гегемонный Зеленый курс соглашений и сделок между обычными жирными котами, а тот курс, который Артуро Эскобар описал в [презентации нашей инициативы](#) - пакт с Землей, разработанный на Юге и для Юга. Это Пакт, понимаемый как приверженность другим способам жизни и существования с миром и в мире. ■

Адреса для связи:
[<pactoeosocialdelsur@gmail.com>](mailto:pactoeosocialdelsur@gmail.com), Twitter: [@SvampaM](#) / [@AlbertoAcostaE](#) / [@EnriqueViale](#) / [@brenobringel](#) / [@lilib17](#) / [@ColectivoCasa](#) / [@PactoSur](#)

> Развитие для одного процента

Вандана Шива, Исследовательский фонд науки, технологии и экологии «Навданья», Нью-Дели (Индия)

Мелкие фермеры на самом деле более продуктивны, чем большие промышленные корпорации. Они не используют такие вредные для окружающей среды коммерческие добавки, как удобрения, пестициды и генно-модифицированные семена. Иллюстрация Арбу, 2023.

Нам необходимо выйти за рамки рассуждений о «развитии» и валовом внутреннем продукте (ВВП), сформированных капиталистическим патриархатным мышлением, и вернуть себе нашу истинную человечность как жителей Земли, которые принадлежат к единой семье. Как пишут Лессем и Шиффер в своей книге [«Интегральная экономика»](#): «Если бы отцы капиталистической теории выбрали в качестве наименьшей экономической единицы для своих теорети-

ческих построений мать, а не одинокого буржуазного мужчину, они не смогли бы сформулировать аксиому об эгоистической природе человеческих существ так, как они это сделали».

Капиталистическая патриархатная экономика формируется с помощью войны и насилия - войны против природы и различных культур, а также насилия над женщинами. И хотя целью является владение и контроль

>>

над реальным богатством, которое производят природа и люди, происходит все большая замена материальных процессов экономическими фикциями, такими как «логика» конкурентных рынков. Разделение - ключевая характеристика парадигм, возникающих в результате слияния патриархатных ценностей и капитализма. Сначала природу отделяют от человека; затем люди разделяются по признаку пола, религии, касты и класса. Разделение того, что взаимосвязано и взаимозависимо, лежит в основании насилия: сначала это происходит в сознании, а затем в повседневных действиях. Не случайно рост корпоративной глобализации породил новую брутальную форму социального неравенства. В соответствии с существующими тенденциями 1% населения планеты вскоре будет контролировать столько же богатства, сколько остальные 99%.

Сегодня корпорации претендуют на юридический статус, преобладающий над правами реальных людей. Но дистанцирование фиктивных конструкций от реальных источников создания богатства зашло еще дальше. Финансы теперь заменяют капитал, а инструменты и технологии позволяют богатым накапливать богатство в качестве «рантье», ничего не делая. Зарабатывание денег в финансовой экономике основано на спекуляциях, а финансовое дерегулирование позволяет богатым спекулировать, используя заработанную тяжелым трудом зарплату других людей. Идея «роста» стала мерилем успеха для отдельных людей и правительств. Она указывает на форму развития и его кризисы: глобальный опыт и парадигму, разработанную капиталистическими патриархатными Большими Деньгами исключительно для того, чтобы Больших Денег становилось все больше.

Парадигма экономического роста оставляет без внимания вызванное ею разрушение жизни в природе и обществе. И *экология*, и *экономика* происходят от греческого слова *oikos*, что означает *дом*, и оба слова подразумевают форму ведения домашнего хозяйства. Когда экономика работает против науки экологии, это приводит к неправильному управлению Землей, нашим общим домом.

Климатический кризис, водный кризис, кризис биоразнообразия, продовольственный кризис - все это различные симптомы неправильного управления Землей и ее ресурсами. Люди неправильно управляют Землей и разрушают ее экологические процессы, не признавая природу как «реальный капитал» и «источник» всего, что она порождает. Без природы и ее экологических процессов, поддерживающих жизнь на Земле, рушатся самые грандиозные экономики и исчезают цивилизации.

В современной неолиберальной модели развития, бедные бедны потому, что 1% населения захватил их средства существования, ресурсы и богатство. Сегодня об этом свидетельствует перемещение общин из Рожавы на Ближнем Востоке и народа рохинья в Мьянме. Крестьяне становятся беднее, потому что 1% продвигает промышленное сельское хозяйство, основанное на покупке дорогостоящих семян и химикатов, что загоняет местных бедняков в долговую яму и уничтожает их почву, воду, биоразнообразие и свободу.

В книге «[Демократия Земли](#)» я описываю, как корпорация *Monsanto* монополизировала поставки семян хлопчатника с помощью надуманного маркетинга инженерии Bt-хлопка. За последние два десятилетия около 300 000 индийских фермеров покончили жизнь самоубийством, причем большинство самоубийств произошло в хлопковом поясе, где они часто влезали в долги из-за покупки дорогих ГМО-семян и других технологий так называемой «зеленой революции». Я основала сельскую исследовательскую ферму под названием *Navdanya*, чтобы противостоять этим насильственным монополиям. Мы сохраняем для фермеров их собственные традиционные сорта органического хлопка, чтобы распространять их в рамках движения «Свобода семян».

Фермеры беднеют оттого, что Картель-отравитель, в настоящее время состоящий только из трех игроков - *Monsanto Bayer*, *Dow Dupont* и *Syngenta Chem China* - делает их зависимыми от покупки дорогостоящих семян и химикатов. Вертикально интегрированные корпорации, связывающие производство семян, химикатов, международную торговлю и переработку нездоровой пищи, крадут 99% стоимости, которую производят фермеры. Фермеры становятся беднее, потому что «свободная торговля» способствует демпингу, уничтожению средств существования и снижению цен на сельскохозяйственную продукцию. Более того, мелкие фермеры на самом деле более продуктивны, чем крупные промышленные корпоративные фермы, потому что не используют вредных для окружающей среды коммерческих добавок, таких как удобрения, пестициды и генетически модифицированные семена. Всемирный крестьянский союз *Via Campesina*, отмечает, что традиционные способы обеспечения продовольствием не только дают фермерам большую автономию, но и помогают смягчить последствия глобального потепления.

Само собой разумеется, что «экономика роста» 1% глубоко антижизненна, и многие ее последствия ощущаются трудящимися людьми и на Глобальном Севере. Филиппинская народная НПО *IBON International* утверждает, что если раньше мужское насилие традиционно использовалось для того, чтобы держать женщин в эксплуатации как производительных работников и репродуктивные тела, то теперь мужское насилие работает на благо капиталистического извлечения прибыли. Люди повсюду становятся беднее, потому что правительства, захваченные одним процентом богачей, навязывают политику приватизации здравоохранения и образования, транспорта и энергетики, подкрепленную мандатами Всемирного банка и МВФ.

Рабочие, фермеры, домашние хозяйки и природа в целом превращаются в «колонии» доминирующей капиталистической патриархальной экономической парадигмы. Капиталистическая модель развития посредством глобализации выражает слияние двух форм насилия: власть древних культур патриархата в сочетании с современным неолиберальным правлением денег. ■

Адреса для связи: <vandana@vandanashiva.com>, Twitter: @drvandanashiva

> *Buen Vivir:* Генеалогия и горизонты

Моника Чухи, интеллектуал амазонского племени кичва, бывший министр связи (Эквадор); **Гримальдо Ренгифо**, Proyecto Andino de Tecnologías Campesinas (PRATEC) [Андский проект крестьянских технологий] (Перу) и **Эдуардо Гудинас**, Латиноамериканский центр социальной экологии (CLAES) (Уругвай).

Мурал Луизы Акауан Лорентц на внешней стене дома в пригороде Порто-Алегре, Бразилия. Фото Луизы Акауан Лорентц, 2022.

Категория *buen vivir* или «достойная жизнь» выражает совокупность южноамериканских перспектив, которые объединены радикальным сомнением в отношении развития и других основных компонентов современности, и в то же время предлагают альтернативы, выходящие за ее пределы. Это понятие не похоже на западное понимание благополучия или хорошей жизни, его нельзя назвать идеологией или культурой. Оно выражает более глубокие изменения в знании, аффективности и духовности: онтологическое открытие других форм понимания отношений между людьми и нелюдьми, которые не предполагают современного разделения между обществом и природой. Это плюральная категория, которая находится в стадии формирования и принимает конкретные формы в разных местах и регионах. Она гетеродоксальна, поскольку совмещает элемен-

ты представлений коренных народов с внутренней критикой современности. Упоминания об идеях *buen vivir* встречаются с середины XX века, но их современное значение было сформулировано в 1990-х годах.

В этом отношении важным был вклад *Андского проекта крестьянских технологий* (Proyecto Andino de Tecnologías Campesinas) в Перу, *Андского центра сельского хозяйства и развития животноводства* (Centro Andino de la Agricultura y el Desarrollo Agropecuario) в Боливии, отдельных интеллектуалов, а также общественных и коренных лидеров, среди которых заметной фигурой является Альберто Акоста из Эквадора. Широкий спектр общественных движений поддержал эти идеи, которые привели к политическим изменениям и получили конституционное признание в Боливии и Эквадоре. *Buen vivir* включает в себя различные версии, специфичные для каждого социального, исторического и экологического контекста. Они возникают благодаря инновациям, соединению и гибридизации концепций, проистекающих из традиций коренных народов в сочетании с критикой современности. Среди них *сума каманья* у народности аймара, *ньянде реко* у боливийских гуарани, *сумак кавсай* у эквадорских кичуа и *алин кавсай* у перуанских кечуа. Аналогичными понятиями являются эквадорский/перуанский *шур варас* и *куме морген* чилийских мапуче. Среди важных для *buen vivir* западных идей — радикальная критика развития, включая постразвитие, признание колониальности власти и знания, феминистская критика патриархата, альтернативная этика, признающая внутреннюю ценность нечеловеческого и экологические концепции, такие как глубинная экология.

Не существует единого *buen vivir*. Например, эквадорское *сумак кавсай* отличается от боливийского *сума каманья*. В первом случае приблизительный перевод на западные категории относится к искусству хорошей и гармоничной жизни в сообществе, хотя и определяется одновременно в социальных и экологических измерениях. Во втором случае речь также идет о совместной жизни в смешанных сообществах, но на конкретных территориях. Точно так же неверно говорить, что *buen vivir* является исключительно концепцией коренных на-

>>

родов, как и утверждать, что она подразумевает возвращение к доколониальному состоянию, хотя эти аспекты важны для его построения.

Помимо разнообразия перспектив в рамках этой категории, существуют и общие компоненты (Gudynas 2011). Все перспективы ставят под сомнение концепцию прогресса и понятие единой универсальной человеческой истории. Они открыты для множественных, параллельных, нелинейных и даже круговых исторических процессов. Они ставят под сомнение идею развития из-за ее одержимости экономическим ростом, потребительством, коммодификацией природы и так далее. Эта критика охватывает как капиталистические, так и социалистические разновидности развития. С этой точки зрения, говорить о социалистическом *buen vivir* не имеет смысла. Альтернативами являются как посткапиталистический, так и постсоциалистический путь, отказ от роста и сосредоточение на полном удовлетворении человеческих потребностей с позиций жесткой экономики. *Buen vivir* вытесняет центральную роль человека как единственного субъекта, наделенного политическим представительством и являющегося источником всех ценностей.

Это подразумевает этическую открытость (признание внутренней ценности нелюдей и прав природы), а также политическую открытость (принятие нечеловеческих субъектов). *Buen vivir* противостоит патриархату даже в самом сердце сельских поселений и областей проживания коренных народностей, постулируя феминистские альтернативы, которые возрождают ключевую роль женщин в защите сообщества и природы. Современное разделение между человечеством и природой также оспаривается: *buen vivir* признает расширенные сообщества, состоящие из людей и нечеловеческих животных, растений, гор, духов и так далее, на определенных территориях. Примером этого является андская концепция *ayllu*: смешанные социально-экологические сообщества, укорененные на определенной территории.

Buen vivir отвергает все формы колониализма и держится в стороне от мультикультурализма. Вместо этого он отстаивает тип межкультурного взаимодействия, который ценит каждую традицию знания, тем самым постулируя необходимость возрождения политики на основе плюринациональности. *Buen vivir* придает большое значение аффективности и духовности. Отношения в расширенных сообществах не ограничиваются рыночным обменом или утилитарными связями. Вместо этого они включают в себя взаимность, взаимодополняемость, общинность, перераспределение и другие качества.

Идеи, лежащие в основе *buen vivir*, стали предметом жесткой критики. Одни считают, что они отражают редукцию к представлениям коренных народов; другие утверждают, что, на самом деле, они являются изобре-

тением Нового времени. Интеллектуалы из лагеря традиционных левых утверждают, что эти идеи отвлекают внимание от истинной цели, которая заключается не в альтернативах развитию, а в альтернативах капитализму. Они также отвергают внутреннюю ценность не-людей. Несмотря на эти аргументы, идеи *buen vivir* получили сильную и широкую поддержку в Андских странах. Оттуда они быстро распространились по всей Латинской Америке и на мировой арене, обеспечив основу для конкретных альтернатив развитию таких, как, например, конституционное признание прав природы и Пача Мама, мораторий на бурение в Амазонии, модель перехода к постэкстрактивизму, или космополитика, основанная на участии нечеловеческих акторов.

Резкое противоречие между оригинальными идеями *buen vivir* и стратегиями развития правительств Боливии и Эквадора, которые продвигают экстрактивистские практики, такие как мега-добыча полезных ископаемых или добыча нефти в Амазонии, стало очевидным. Эти «прогрессивные» режимы пытались преодолеть возникшие противоречия с помощью новых определений понятия *buen vivir*, такие как, тип социализма в Эквадоре или интегральное развитие в Боливии, таким образом, помещая его в рамки современности. Эти позиции были поддержаны некоторыми государственными учреждениями, интеллектуалами Южной Америки и за ее пределами, которые, несмотря на свои намерения, лишь реализуют идейную колонизацию. Но несмотря на то, что, изначальные концепции *buen vivir* сохранились. Они продолжают питать социальное сопротивление традиционному пониманию развития. Так произошло и в случае гражданских демонстраций коренного населения в Боливии, Эквадоре и Перу в защиту территории, воды и Матери-Земли. Это демонстрирует, что *buen vivir* не ограничивается несколькими интеллектуалами и НПО, а пользуется широкой поддержкой населения.

Подводя итог, можно сказать, что *buen vivir* - это постоянно развивающийся проект, поддерживаемый различными движениями и активистами, обладающий своими достижениями и неудачами, инновациями и противоречиями. Он неизбежно находится на стадии разработки, поскольку выйти за рамки модерности не так-то просто. Он обязательно должен быть плюралистичным, поскольку включает в себя позиции, ставящие под сомнение современность и открывающие иные способы думать, чувствовать и быть. Он открывает другие онтологии - укорененные в конкретных историях, территориях, культурах и экологиях. Однако это многообразие опирается на определенные общие принципы, которые отличают его от модерности: реляционное мировоззрение, неприятие веры в прогресс, признание расширенных сообществ и этика, признающая неотчуждаемую ценность не-людей. ■

Подписывайтесь на авторов в Twitter: [@Monicachuji](#) / [@PratecPRA](#) / [@EGudynas](#)

> Убунту: концепция справедливости и способ жизни

Лесли Ле Гранж, Университет Стелленбош, Южная Африка

Мадагаскар. Авеню баобабов. Фото:
Антони Сосиас, Unsplash.

Убунту - это южноафриканская концепция, которая означает человечность и подразумевает как состояние бытия, так и состояние становления. Оно касается становления человека по отношению к другим людям и к более-чем-человеческому миру нечеловеческой природы. Другими словами, становление человека зависит от других людей, нечеловеческих существ и космоса. Более того, убунту предполагает, что человек не является атомизированным индивидом западной традиции, а встроен в социальные и биофизические отношения.

Убунту является «антигуманистической» концепцией в том смысле, что она подчеркивает реляционное существование и становление человека. Убунту проявляет себя в

пословицах или афоризмах, встречающихся в нескольких языках Африки к югу от Сахары. В языках нгуни (зулу, хоса и ндебеле), распространенных в Южной Африке, убунту происходит от выражения: *Umuntungumuntungabanye Vantu*, которое предполагает, что человечность человека идеально выражается в отношениях с другими людьми и, в свою очередь, является истинным выражением личности: «Мы есть, поэтому я есть». *Botho* является эквивалентом в языках сото-тсвана, и это слово происходит от пословицы: *Mothokemothokabathobabang*. Убунту - это один из основных элементов человеческого существа. Зулусское слово, обозначающее человека, - *umuntu*, то есть тот, кто состоит из следующих элементов: *umzimba* (тело, форма, плоть), *umoya* (дыхание, воздух, жизнь), *umphfumela* (тьень, дух, душа), *amandla* (жизненная сила, мощь, энергия), *inhliziyo*

>>

(сердце, центр эмоций), *umqondo* (голова, мозг, интеллект), *ulwimi* (язык, речь) и *ubuntu* (человечность).

> Восстановленный традиционный образ жизни

Однако *убунту* - это не только лингвистическая категория, но и нормативное понятие, обозначающее то, как мы должны относиться к другому, каково наше моральное обязательство по отношению к другому. *Убунту* предполагает, что наше моральное обязательство - заботиться о других, потому что, когда им причиняют вред, нам причиняют вред. Это обязательство распространяется на все живое, поскольку все в космосе взаимосвязано: когда я причиняю вред природе, я причиняю вред себе.

Как и все африканские культурные ценности, *убунту* распространялось устно и традиционно: его значение было вплетено в культурную практику и жизненный опыт африканских народов. Соответствующие культурные ценности были размыты или стерты колонизацией. Однако в постколониальной Африке *убунту* и его эквиваленты были вновь востребованы в рамках проекта деколонизации, а также пользуются все большей популярностью в мире как альтернатива доминирующим представлениям о развитии, которые ставят под угрозу возможность достижения социальной справедливости и экологической устойчивости. Например, некоторые группы африканского происхождения в Южной Америке используют *убунту* для более глубокого понимания понятия *buena vida*.

> Справедливая и расширяющая возможности концепция

Убунту выражает идею о том, что человек не может реализовать свое истинное «я», эксплуатируя, обманывая или поступая несправедливо по отношению к другим. Без присутствия других человек не может играть, использовать свои чувства, воображать, думать, рассуждать, создавать произведения или контролировать свое окружение. Поэтому *убунту* символизирует солидарность между людьми и между людьми и нечеловеческим миром. Эту концепцию можно использовать для укрепления солидарности между людьми в борьбе за социальную справедливость и экологическую устойчивость, которые являются главными проблемами общественных движений во всем мире.

Убунту включает в себя идею о том, что творчество и свобода человека должны ограничиваться только тогда, когда они наносят вред другим. *Убунту* - это проявление силы внутри всех существ, которая служит для улучшения жизни и никогда не препятствует ей. Это сила, которая продуктивна, которая соединяет, которая порождает заботу и сострадание - это сила множества, которая дает импульс социальным движениям. Эта форма власти противоположна власти, которая навязывает, разделяет, колонизирует - власти суверена, которой обладают наднациональные организации, национальные правительства, военные и корпоративный мир. Последняя форма власти приводит к эрозии *убунту*.

> Многомерная трансформация

Трансформационный потенциал *убунту* заключается в том, что он дает альтернативное прочтение некоторых ключевых проблем, стоящих перед человечеством в XXI веке: растущее неравенство между людьми, надвигающаяся экологическая катастрофа и взаимосвязанность человека с новыми технологиями до такой степени, что теперь трудно определить, что такое «быть человеком». Что касается последнего вызова, то обращение к *убунту* выдвигает на передний план важность утверждения человечности, но не путем определения того, что такое быть человеком, чтобы объявить другие сущности «нечеловеческими», а через процесс, который включает в себя раскрытие человеческого в контексте бурно развивающихся новых технологий. Решение проблемы неравенства в мире предполагает заботу только о людях - оно ориентировано на человека, тогда как решение экологического кризиса распространяет этот интерес на мир, который больше, чем человек - он ориентирован на экологию. *Убунту* является преобразующим, поскольку выходит за пределы бинарной системы антропоцентрического и экоцентрического.

Отношения между людьми следует рассматривать как микрокосм отношений в космосе. Поэтому забота о себе или забота о других людях не противоречит заботе о мире, который больше, чем человек. *Убунту* нельзя просто свести к категориям антропоцентричности или экоцентричности. Я, сообщество и природа неразрывно связаны друг с другом - исцеление в одной области приводит к исцелению во всех, и страдание также переживается сквозным образом во всех трех измерениях. Борьба за свободу личности, социальную справедливость и экологическую устойчивость - это единая борьба.

> Ложное присвоение, которого следует опасаться

Можно выделить два потенциальных ограничения *убунту*. Во-первых, узкое этноцентрическое толкование концепции может быть использовано в политических целях для исключения других. Под этим я подразумеваю, что определенные группы, получившие политическую власть в постколониальной Африке, могут утверждать, что концепция принадлежит им (хотя это может противоречить смыслу термина) или считать, что она не может быть подвергнута критическому анализу. Иначе говоря, *убунту* может свестись к узкому гуманизму, что приведет к таким жестокостям, как ксенофобия, наблюдаемая в Южной Африке в последнее время. Во-вторых, из-за своей популярности, *убунту* может быть использована наднациональными организациями, правительствами и корпоративным миром в своих целях. Или, учитывая доминирование западных способов познания, она может быть ассимилирована в западном культурном архиве и, тем самым, лишится своей самобытности. ■

Адреса для связи: <ljg@sun.ac.za>, Twitter: [@LesleyLeGrange](https://twitter.com/LesleyLeGrange)

> Карта экофеминистских дебатов

Кристель Терребланш, Университет Квазулу-Натал (Южная Африка)

Мурал на фасаде здания в Караколь Овентик, Сапатистская территория в Чиалас, Мексика. Фото: Витория Гонзалес, 2017.

Экофеминистки указывают на исторические, материальные и идеологические связи между порабощением женщин и господством над природой. Феминизм – это постоянно развивающееся движение, которое обращается к разнообразным направлениям политической теории, включая феминистскую, деколониальную и экологическую этику, и призывают исследовать, как мейнстримные концепции встраиваются в традиционные представления о половой принадлежности. С самого начала своего зарождения в 1960-х годах экофеминистская теория была вдохновлена низовыми акциями прямого действия. Экофеминизм активно развивался вместе с антиядерными движениями и движениями за мир 1970-х и 80-х годов, на фоне растущей озабоченности общества ухудшением состояния окружающей среды. Женщины-активистки встречаются везде, где социальное и экологическое воспроизводство жизни находится под угрозой: будь то токсичные отходы, расовое насилие, эксплуатация работников по уходу, утрата биоразнообразия, вырубка лесов, торговля семенами или отчуждение исконных земель, якобы, для целей развития.

Экофеминистки утверждают, что освобождение человека от исторически сложившихся патриархальных установок не может быть достигнуто без освобождения всех «исключенных» существ. Они видят, что женщины на Глобальном Севере, крестьяне и коренные народы на Глобальном Юге могут объединиться в единый политический голос. Эти социальные группы умеют заботиться о человеческой и нечеловеческой жизни. Поэтому экофеминизм как политика является автономным явлением, а не просто ответвлением феминизма, марксизма или экологии. Несмотря на определенное взаимообогащение идей, экофеминизм по-новому формулирует феминистскую озабоченность социальным равенством, связывая его с экологической справедливостью и целостностью.

> Реконструктивная революция предлагает рост рефлексивного самосознания

Экофеминизм иногда рассматривается как возрождение древней мудрости о взаимосвязанности всего живого. Примером могут служить коллективные действия индийских женщин народности чипко, которые много веков назад защищали леса от вырубки, обхватив деревья руками. Од-

нако сам термин *экофеминизм* приписывается французской феминистке Франсуазе д'Эбонн, которая в 1974 году призывала к революции во имя спасения экосферы: она мечтала о полной реконструкции отношений между людьми и природой, а также между мужчинами и женщинами. Исторический анализ европейской научной революции, проведенный новаторским теоретиком Кэролин Мерчант в книге *The Death of Nature* [Смерть природы], разоблачил готовность отцов современности овладеть репродуктивным суверенитетом женщин посредством институционализованной охоты на ведьм. Специализированные знания знахарок и акушерок были заменены «профессиональной медициной», представляющей природу и тело в виде «машин». Эти изменения упразднили принцип предосторожности, присущий процессу родоразрешения, который осуществляется женщинами, и одновременно укрепили древнюю дуалистическую онтологию рационального превосходства мужчин и контроля, который они осуществляют над «другими», такими как «непокорные» женщины и «хаотичная» природа.

Ведущие либеральные модернисты часто читали экофеминистскую критику «вверх ногами» как закрепление патриархальной идеи о том, что женщины или аборигены «по сути ближе к природе» и, следовательно, неполноценны. На самом деле экофеминистки деконструируют старые гегемонные бинарные оппозиции, вытекающие из признания верховенства «человек над природой», показывая, как они используются людьми, обладающими привилегиями по критериям пола, гендера, этноса и класса, для поддержания своего социального господства путем обозначения «инаковости». Понимаемая таким образом, экофеминистская позиция сможет углубить рефлексивное самосознание человека в отношении властных отношений, которым он служит.

> Женский труд, экологические знания и материалистическая критика

В глобальном масштабе женщины выполняют 65% всей работы за 10% заработной платы, а на Глобальном Юге женщины производят от 60% до 80% всей потребляемой пищи. После исследований в колониальной Африке и Южной Америке Мария Мис и ее коллеги по Билефельдской Школе (Германия) предложили «теорию жизненного обеспечения», признающую экологические знания женщин и крестьян как производителей, обеспечивающих саму возможность жизни¹. С 1980-х годов этот экономический аргумент мобилизовал экофеминизм как политику пост-развития, превосходящая такие современные альтернативы, как мировоззрение южноамериканских коренных народов *buena vida* или «достойная жизнь», а также недавнее европейское внимание к экономическому росту и экономике солидарности. Еще одним разоблачением «плохого развития» стал рассказ Ванданы Шивы о том, как общинный продовольственный суверенитет, достигнутый индийскими женщинами-фермерами, был утрачен после внедрения технологий «зеленой революции» двадцатого века.

По мере того, как финансовые и технологические решения углубляют экологический кризис, экофеминистки раскрывают сложный классовый, этнический и половозрастной характер капиталистического присвоения. Будучи материалистической политикой, основанной на категории труда, экофеминизм не является эссенциалистским. Он соединяет точки между сверхпотреблением на богатом промышленном Севере и его «кранами и раковинами» на Глобальном Юге. Ведь именно окраины капиталистического патриархального продуктивизма платят за его загрязняющие послед-

ствия. Это выражается как в экологическом долге в отношении коренных сообществ, так и в воплощенном долге перед женщинами и будущими поколениями. Материалистические экофеминистки, такие как Ариэль Саллах, Мэри Меллор, Ева Чаркевич, Ана Исла и другие, связывают экономику жизнеобеспечения и экологическую достаточность². Их структурная критика редуционистской экономики подчеркивает, что последняя оставляет без внимания репродуктивный труд в домах и на полях, а также природные циклы, от которых также зависит капитализм.

> Экофеминистский мета-индустриальный ответ на экологический кризис

Экофеминистки утверждают, что репродуктивный труд априори противостоит капиталистической и марксистской валоризации производства и меновой стоимости как движущей силы накопления. Саллах концептуализирует негласных репродуктивных работников - женщин, крестьян и коренных жителей - как «мета-индустриальный класс», составляющий большинство населения мира, чьи навыки являются телесным воплощением материалистической эпистемологии и этики. Регенеративные способы обеспечения пропитания, которыми они следуют, являются готовым политическим и материальным ответом на экологический кризис. Такие работники существуют во всем мире, наполняя огромное, но кажущееся невидимым, лоскутное одеяло не-отчужденного труда; именно они поддерживают жизнь в сложной паутине отношений между человеком и природой. Мета-индустриальный труд наполняет экологические циклы положительной чистой «метаболической ценностью». Очевидно, что экофеминизм расширяет фокус традиционного марксистского классового анализа. И действительно, академические левые берут на вооружение его теоретизацию «натурализованных» основ капиталистического присвоения с помощью репродуктивного труда. Однако всегда существует риск, что женские теоретические идеи будут переработаны в существующие патриархальные мета-нарративы.

> Конвергенция эмансипации сообщества и заботы

Экофеминистская политика направлена на эмансипацию человека с помощью регенеративной экономики солидарности, основанной на совместном использовании ресурсов. Она ставит комплексность выше однородности, сотрудничество выше конкуренции, общее достоинство выше собственности, а потребительскую стоимость выше меновой. Эта эмансипационная политика получает все большее признание благодаря своей способности прояснить единые основания проблем экологии, феминизма, марксизма и ориентированной на жизнь этики коренных народов, такой как *сварадж* в Индии и африканский этос *убунту*. Такой анализ предлагает системную социологическую основу всех альтернатив пост-развития, которые стремятся к равенству и устойчивому образу жизни. Экофеминистки выступают за мировоззрение, основанное на заботе о сохранении разнообразия всех форм жизни. ■

Адрес для связи: <terreblanche.christelle@gmail.com>

1. Mies, Maria and Shiva, Vandana (1993) *Ecofeminism* [Экофеминизм]. London: Zed Books.
2. Salleh, Ariel (Ed.) (2009) *Eco-Sufficiency and Global Justice: Women Write Political Ecology*. [Эко-достаточность и глобальная справедливость: женщины о политической экологии.] London: Pluto Press.

> Права природы и юриспруденция Земли

Кормак Куллинан, юрист-эколог, Южная Африка

Пачамама (Китайские чернила на бумаге).
Фото: Луиза Акаун Лорентц, 2019.

Большинство современных цивилизаций организованы таким образом, чтобы максимизировать валовой внутренний продукт (ВВП), что приводит к ухудшению состояния окружающей среды и способствует изменению климата. Такие цивилизации, скорее всего, потерпят крах в XXI веке, если их не переориентировать на благосостояние человека путем повышения целостности и жизнеспособности экологических сообществ, в которые они встроены. Сторонники прав природы, также известных как права Матери-Земли, утверждают, что для достижения такого перехода правовые системы должны признать, что все аспекты природы являются правовыми субъектами, обладающими неотъемлемыми правами, и должны отстаивать эти права. Юридическое признание прав природы рассматривает права человека как видное выражение прав природы, поскольку люди являются

частью природы, и создает обязанности для людей и юридических лиц уважать права природы.

Юридическое признание прав природы является одним из аспектов более широкого обсуждения юриспруденции Земли и других экологических подходов к управлению человеческими обществами. Юриспруденция Земли - это философия права и управления, которая направлена на то, чтобы помочь людям гармонично сосуществовать в рамках сообщества землян, а не узаконивать и облегчать его эксплуатацию и деградацию. Права природы, как и права человека, считаются неотъемлемыми и неотчуждаемыми и вытекают из самого существования правообладателя. Это означает, что каждое существо или аспект природы, включая людей, должно, как минимум, иметь право на существование, право занимать физическое место и

>>

право взаимодействовать с другими существами таким образом, чтобы выполнять свою уникальную роль в экологических и эволюционных процессах.

> **Права природы, выраженные в законодательстве**

Наиболее значимым современным выражением прав природы является Конституция Эквадора, которая была принята в сентябре 2008 года. Позже, 22 апреля 2010 года в Кочабамбе (Боливия), на Всемирной конференции народов по изменению климата и правам Матери-Земли была провозглашена Всеобщая декларация прав Матери-Земли (ВДПМЗ). Конституция Эквадора гласит: «Природа или Пачамама, где воспроизводится и существует жизнь, имеет право на существование, сохранение, поддержание и восстановление своих жизненных циклов, структуры, функций и эволюционных процессов» (статья 71). Конституция ясно дает понять, что признание прав природы призвано создать рамки, в пределах которых граждане могут пользоваться своими правами и выполнять свои обязанности для достижения благополучия путем гармоничного сосуществования в природе. Более того, эти рамки требуют как от государства, так и от частных лиц, уважения и поддержки прав природы и обязывают государство продвигать модель развития, соответствующую этим ценностям. Законодательство Новой Зеландии признает реку Уангануи и район Те Уревера юридическими лицами, обладающими правами. Суды Индии признали реки Ганг и Ямун, ледники Ганготри и Ямунотри, откуда текут эти реки, а также связанные с ними леса и водотоки юридическими лицами, обладающими правами. Конституционный суд Колумбии признал бассейн реки Аtrato юридическим лицом, имеющим право на «защиту, сохранение, поддержание и восстановление».

> **Потребительское мировоззрение**

Современность, капитализм и потребительство возникли из глубоко антропоцентрического взгляда на то, что человек отделен от природы и может нарушать ее законы. С точки зрения человеческой исключительности, Земля представляет собой совокупность ресурсов, предназначенных для удовлетворения потребностей человека. Поскольку ресурсы понимаются как дефицитные активы, первостепенное значение приобретает конкуренция с другими за большую долю. Это мировоззрение лежит в основе большинства современных правовых систем. Закон определяет природу (за редким исключением) как «собственность», наделяет ее владельца широкими полномочиями по принятию решений в отношении природных «активов» и правом монополизировать полученную от них выгоду. Такое законодательство лежит в основе экономических и политических систем, концентрирующих богатство и власть и узаконивающих решения, в которых краткосрочные экономические интересы ничтожного меньшинства людей ставятся выше коллективных интересов сообщества Земли и самой жизни.

> **Экоцентричное мировоззрение**

Признание того, что природа имеет права, с другой стороны, основано на экоцентричном мировоззрении, которое рассматривает человека как особую форму жизни или аспект Земли, играющий уникальную, но не главенствующую роль в земном сообществе. Например, в преамбуле и первой статье ВДПМЗ говорится о Земле как о саморегулирующемся живом сообществе взаимосвязанных существ, которое поддерживает все существа, и, следовательно, приоритетным является поддержание целостности и здоровья всего земного сообщества. Сторонники прав природы ссылаются на достижения таких наук, как квантовая физика, биология и экология, предоставляя доказательства взаимосвязанности всех аспектов космоса и опровергая широко распространенное мнение о том, что человек отделен от природы и превосходит ее. Этот подход опирается также на древнюю мудрость, традиции, а также космологию коренных народов, которые рассматривают Землю как священное сообщество жизни и выступают за то, чтобы человек поддерживал уважительные отношения с другими существами.

Юриспруденция Земли и права природы представляют собой фундаментальный вызов всем аспектам мейнстримного дискурса «развития», а также капитализму и патриархату. В их основе лежит иное понимание роли человечества, фундаментальной цели человеческих обществ и путей обеспечения человеческого благополучия. Например, с экоцентрической точки зрения развитие понимается как процесс, в ходе которого человек развивает большую глубину, сложность, эмпатию и мудрость через взаимосвязь или «взаимо-бытие» с сообществом живых существ. Такая позиция является противоположностью современного понимания развития, которое подразумевает эксплуатацию и деградацию сложных природных систем для увеличения ВВП.

> **Новое движение и новый манифест**

С 2008 года права природы и юриспруденция Земли во всем мире становятся все более заметными элементами дискурса общественных движений, активистов экологической и социальной справедливости, а также коренных народов. Эти концепции стали центральной темой дискуссий ООН о «жизни в гармонии с природой» и были включены в программы нескольких политических партий - «зеленых» и экосоциалистов. Права природы и юриспруденция Земли затрагивают самые глубокие корни современных экологических и общественных проблем. Эти категории звучат как манифест, который выходит за рамки расы, класса, национальности и культуры; они основаны на понимании того, как функционирует Вселенная - понимании, которое является более точным, чем антропоцентричное, механистическое и редуccionистское мировоззрение. Права природы создают основу для глобального правозащитного движения, которое может изменить нормы приемлемого человеческого поведения, как это произошло с правами человека. И несмотря на то, что движение за права природы все еще находится в зачаточном состоянии, его влияние, вероятно, будет расти все быстрее, и оно способно оказать глубокое глобальное воздействие. ■

Адрес для связи: <cormac@greencounsel.co.za>

> Постпандемические тенденции и фазы современности

Жозе Маурисио Домингес, Государственный университет Рио-де-Жанейро (Бразилия), член ИК МСА по социологической теории (ИК16) и исторической социологии (ИК56)

Пандемия коронавируса/COVID-19, постигшая мир в 2019-20 годах, повлекла за собой серьезные изменения в отношениях между государством и обществом. С 2008 года неолиберализм был под контролем. Пандемия внезапно привела к тому, что можно назвать чрезвычайным кейнсианством и усилением социальной политики, направленной на поддержку большого количества стран. Стало возможным то, что всего за несколько месяцев или даже дней до этого было немыслимо; поразительны принятые меры и количество денег, вброшенных в экономику и системы социальной защиты. Чтобы противостоять ситуации, произошло удивительное возвращение государства, со всеми его разнообразными «возможностями»¹.

Можно ли говорить об эпохальных изменениях, или же мы наблюдаем изменения меньшей важности? Будут ли эти перемены продолжительными? Является ли происходящее лишь кратким перерывом в стабильной в остальном траектории социальной политики?² Ниже я предложу в краткой форме ответ на вопрос о вмешательстве государства в экономику и социальную политику, предварительно обсудив фазы современности. Что касается политической системы, то здесь преобладает преемственность, несмотря на глубокие изменения, которых требуют многие слои общества. Либеральная демократия - это смешанный режим, и тенденция к большей олигархии и меньшей демократии, развернувшаяся с 1980-х годов (в сторону *развитых олигархических политических систем*), не была обращена вспять. Наблюдается также явное усиление механизмов надзора. Политики по-прежнему в основном заботятся о себе, своей власти и о богатых, хотя давление в сторону более решительной социальной политики усиливается. Индивидуализм процветает, и пандемия, возможно, способствовала его усугублению, вызвав в основном оборонительные и ориентированные на частную жизнь настроения, в отличие, например, от интенсификации социальности после пандемии «испанского гриппа» столетием ранее. Это, безусловно, вопрос, который ждет социологического

анализа. То, что я хочу сказать, лишь отчасти применимо к миру обновленной системы «партия-государство-капитализм», где присутствие государства гораздо более интенсивно и в действие приведена гораздо более авторитарная политическая система. Однако, что касается социальной политики, то здесь показательно преобладание социального либерализма.

> Модерность и ее фазы

Модерность - в том числе политическая - является эволюционной дивергенцией, появившейся в результате сочетания большого числа обстоятельств. Однако модерность опирается на ранее развитые цивилизационные элементы, обладающие глобальными характеристиками, и ее доминирующие силы одержали победу над относительно недолговечным авторитарным коллективизмом. С конца восемнадцатого века модерность прошла три различные стадии (как показывают работы Оффе, Лэша и Урри, Кастельса, Вагнера, Домингеса и других). Первая фаза была либеральной и ориентированной на рынок (во всяком случае, ее программа была именно такова); в то же время она была колониальной (хотя Северная и Южная Америка уже были независимыми). Вторая фаза во всем мире опиралась на государство. Хотя либеральная экономическая и юридическая структура сохранялась, «реальный социализм» (более адекватно называемый авторитарным коллективизмом) радикализировал государственные элементы, которые он заимствовал у современности, отбросив либеральную и рыночную инфраструктуру. Затем наступила третья фаза, более сложная, более индивидуалистическая, с большим присутствием сетей - наряду с усиленным рынком и государством - и под эгидой неолиберализма.

Являемся ли мы в постпандемическом мире свидетелями появления новой фазы модерности, или мы наблюдаем лишь перелом, возникший в рамках третьей фазы? За пределами партийно-государственной сферы неолиберализм до недавнего времени был доминирующим (и

“Можно ли говорить об эпохальных изменениях, или же мы наблюдаем изменения меньшей важности? Будут ли эти перемены продолжительными?”

его сторонники борются за сохранение своего господства). Однако мы можем предположить, что ассоциация третьей фазы модерности с неолиберализмом была случайной, независимо от того, какой глубокий отпечаток он оставит на мире, и что бы еще ни случилось.

> Государство, экономика и социальная политика

Уже до пандемии неолиберализм считался слишком ограниченным, чтобы справиться с экономикой. Более или менее явно правительства уже отходили от некоторых его постулатов, а теперь влиятельные лица, похоже, все больше осознают проблему. Однако реализация изменений оказалась более сложной и действия в этом направлении в последнее время часто характеризуются непоследовательностью, сопротивлением и непрозрачностью. Хотя здесь я не могу развить этот тезис, геополитика и конкуренция между Китаем и западными странами также вырисовываются как фон для нынешних преобразований, причем Китай уже давно использует сложную смесь неолиберализма и сильного государственного вмешательства.

Возьмем, к примеру, Европейский Союз. Мы можем выделить три возможных сценария его будущего: консервативный («дела как обычно»); несколько хаотичный и конфликтный; и трансформационный, в котором будут достигнуты цели решения проблем изменения климата (особенно через энергетический переход), цифровизации и пересмотра социальной политики, а также изменения в налогообложении. Проект *NextGenerationEU*, предусматривающий создание общих фондов из средств, заимствованных на рынке, уже двигает ЕС в направлении третьей из этих возможностей. Он предполагает укрепление «европейского государства», которое может облегчить даже задачи мощных национальных государств (например, финансируя до 40% плана на технологическое обновление Франции, рассчитанного до 2030 года). Что касается налогообложения, то эти вопросы мало обсуждались. В настоящее время действует глобальная единая плоская шкала налогообложения (15% для корпораций), введенная, чтобы избежать укрывательства от налогов и препятствовать созданию «налоговых убежищ» (исключением являются США, где были снижены налоги на богатых). В любом случае, глобальная налоговая ставка на корпорации, которую в начале пандемии активно обсуждали эксперты и политики, хотя и имеет свои ограничения, как утверждают

критики, но является беспрецедентной мерой. Можно спорить о том, будет ли эта мера набирать силу, но движение в этом направлении, скорее всего, будет продолжаться. (В Германии, например, без особого шума были приняты меры для того, чтобы избежать соблюдения конституционной статьи, запрещающей приобретение дальнейших долгов). В любом случае, политическая система будет посредником в этих нормативных изменениях. В США в августе 2022 года стало прорывом — хотя и гораздо более скромным, чем надеялись левые — окончательное утверждение проекта Демократической партии объемом 740 миллиардов долларов, направленного на борьбу с инфляцией, замену ископаемых видов топлива возобновляемыми источниками энергии и снижение затрат на медицину.

Особого внимания заслуживают предложения по финансированию обновления экономической инфраструктуры, особенно в части цифровизации, но также и в отношении более прозаических вещей, таких как мосты и дороги, а также по обеспечению перехода на источники энергии, способные смягчить последствия изменения климата в США и в Европе. На карту поставлены прежде всего стратегические, высокотехнологичные области, среди которых особенно выделяются микрочипы. Большие деньги и новые внутригосударственные структуры будут способствовать достижению этих целей и государственным закупкам инновационных продуктов (полезность такой стратегии подтверждается примером производства вакцин против коронавируса). Промышленная политика возвращается, хотя она сильно отличается от того, что она собой представляла в период расцвета в либерально-капиталистических странах (когда она была построена на индикаторах). Она стала гораздо более актуальной по сравнению с тем, что происходило в последней четверти двадцатого века и начале двадцать первого. Некоторые говорят о возвращении планирования, особенно в отношении изменения климата и энергетического перехода. В любом случае, бюджетные ограничения в целом стали гораздо мягче, в то время как расходы стали эластичными, включая даже многочисленные операции по спасению банков.

В сфере торгового и финансового регулирования происходят настоящие перемены. В течение десятилетий значение антимонопольной политики преуменьшалось, поскольку считалось, что она является саморазрушительной. Начиная с правительства Рейгана, предпола-

галось, что такая политика направлена на обеспечение благосостояния потребителей. Поэтому демпинг - снижение цен, чтобы победить своих конкурентов, - не рассматривался как проблема. Целью была защита конкуренции как таковой, а не конкретных конкурентов. Следовательно, слияния и поглощения, создающие гигантские олигополии, не заслуживали государственного вмешательства. В настоящее время [все это полностью пересматривается](#), антимонопольная политика становится гораздо более многосторонней и детализированной. Более того, схема регулирования расширилась от типичного и более ограниченного институционального подхода, принятого в США, к потребительским рыночным услугам, в частности, к основным монополизированным общественным благам (телефония и почта, водоснабжение и канализация, поездка и авиация) до социальной политики и других видов деятельности.

Тем не менее, в отношении социальной политики мы, похоже, получаем все то же самое, но в больших масштабах. Социальный либерализм с двухслойной политикой - рыночной для обеспеченных слоев населения и государственной - для бедных - стал общепринятой тенденцией. До сих пор в эволюции социальной политики не появилось ни одной точки перелома, которая бы поколебала стабильность неуклонно расширяющегося социального либерализма. И хотя [здоровоохранение может стать более всеобщим](#), впервые глобализированный социал-либеральный ответ, похоже, появляется в более общих чертах. Раньше существовали значительные различия между центром глобальной системы (а также некоторыми авторитарными коллективистскими странами) и периферией, причем первые проводили более активную и, как правило, универсалистскую политику. В настоящее же время социальный либерализм получил неоспоримый глобальный перевес. В центре его внимания бедность («справедливость», а не равенство). Несмотря на широко распространенное социальное недовольство, никакие организованные силы не проявили достаточной решимости и не попытались изменить социальную политику в сторону универсализма и полного социального гражданства.

Очевидно, что среди механизмов такой социальной политики явно будут преобладать схемы денежных трансфертов. Они могут действовать, например, по латиноамериканской модели минимальных грантов и адресной поддержки³ - для борьбы с бедностью и политического управления ею, что происходит во всех стра-

нах, выбравших такую модель. Другим вариантом является крайне убогая немецкая схема *Arbeitslosengeld II* (известная как *Hartz IV*), которая организована согласно логике трудовой повинности. Обе схемы являются простой ширмой в мире, который становится все более богатым и неравным. Тем не менее что-то вроде немецкого нового, [улучшенного закона Bürgergeld](#) может в конечном счете стать новым социал-демократическим решением, которое позволит балансировать между небольшими суммами денег для достойных безработных и более щедрыми всеобщими пособиями. Однако, мы наблюдаем, что таким социальным нововведениям упорно сопротивляются христианские демократы (см. также недавний итальянский *Reddito de cittadinanza*, который правительство Мелони сделало еще более убогим). В любом случае, при нынешнем положении вещей изменения будут носить ограниченный характер.

> Будущее

Только время покажет: возможно, сова Минервы расправляет крылья только в сумерках. Но мы можем, по крайней мере, выделить некоторые конкретные тенденции, которые проявились в последние несколько лет и, вероятно, будут усиливаться. Конечно, все зависит от развития идей и программ, и особенно от политической борьбы, результаты которой, однако, постоянно указывают в одном направлении. До сих пор развитие в мировом масштабе шло крайне неравномерно.

Можно было бы надеяться, что перемены приведут к наступлению более щедрой, зеленой и солидарной эры в истории человечества. Это кажется маловероятным, но это не означает, что не наступает новая фаза модерности или перелом в рамках третьей фазы. Однако ее окончательное направление все еще остается неопределенным. ■

Адрес для связи: <jmdomingues@iesp.uerj.br>

1. Domingues, José Maurício (2020), "From global risk to global threat: State capabilities and modernity in times of coronavirus" [От глобального риска к глобальной угрозе: возможности государства и модерности во времена коронавируса], *Current Sociology*, 70(1), 6-23.
2. Baumgartner, Frank and Jones, Bryan (2009) *Agendas and Instability in American Politics*. [Интересы и нестабильность в американской политике.] Chicago: Chicago University Press.
3. Domingues, José Maurício (2019), "Social liberalism and global domination". [Социальный либерализм и глобальное доминирование] In: Heriberto Cairo and Breno Bringel (Eds.) *Critical Geopolitics and Regional (Re)Configurations: Interregionalism and Transnationalism between Latin America and Europe*. [Критическая геополитика и региональные (ре)конфигурации: межрегионализм и трансрегионализм между Латинской Америкой и Европой.] London: Routledge, 49-62.

> (Пере)открытие социальных наук: вызовы открытой науки¹

Фернанда Бейгель, Национальный научно-технический исследовательский комитет Аргентины (CONICET) и Национальный Университет Куйо, член наблюдательного комитета ИК МСА по истории социологии (ИК 08)

Фото: Pixabay.

В 1996 году бывший президент МСА Иммануил Валлерстайн в знаменитом Докладе комиссии Гулбенкяна призвал международное сообщество переструктурировать социальные науки. В Докладе ставились под сомнения достижения этих дисциплин в 19 веке, когда они сопровождали развитие колониальных государств, превращая особенности их опыта и наблюдения в по видимости универсальную теоретическую конструкцию. Укрепление и институционализация этих дисциплин потребовали от каждой из них разработать особую методологию, что усилило фрагментацию социального анализа. Выдвинув лозунг «открытости социальных наук» Доклад признал необходимость отказаться от европоцентризма и содействовать развитию многоязычия, междисциплинарности, прозрачности исследовательского процесса и институционального сотрудничества.

Недавно ЮНЕСКО утвердило «Рекомендации по развитию *открытой науки*», которые опираются на те же прин-

ципы и ставят своей целью открыть результаты исследования (посредством открытого доступа к публикациям) и процесс проведения научного исследования (с помощью открытого доступа к данным). Принципы открытой науки захватывают все научные дисциплины и все аспекты академических практик, включая фундаментальные и прикладные науки, естественные, социальные и гуманитарные науки. Они подразумевают необходимость открытости традиционной науки различным системам знания. Они также рекомендуют научному сообществу активно сотрудничать с различными секторами общества и активно вовлекаться в проблематику, релевантную для общества (гражданская наука).

Прошло 25 лет между описанными выше публикациями; основное различие между этими двумя глобальными проектами заключается в том, что в новом документе много внимания уделяется цифровому характеру открытой науки и открытости собственно исследовательского

>>

процесса (открытые данные, открытая оценка), которые обеспечиваются инфраструктурами сотрудничества. С другой стороны, оба проекта подчеркивают структурное неравенство, которое воздействует на циркуляцию знания и потребности в гарантиях эпистемологического разнообразия и языкового плюрализма.

> **Гарантии открытости данных социальных наук**

Благодаря своим эпистемологическим характеристикам, отношению между изучаемыми субъектами и методами исследования, социальные и гуманитарные науки ставят перед проектом открытой науки специфические проблемы. Последствия безусловной открытости исследовательских процессов и данных оказывают влияние на приватность индивидов и могут подвергать риску субалтерные сообщества. Несмотря на то, что этические кодексы, нормы «личных данных» (“*habeas data*”) и национальные законодательства, регулирующие использование персональных данных, обеспечивают необходимые условия для контроля этих аспектов, необходимо обратить внимание и осмыслить феномен сопротивления шерингу исследовательских данных в сфере социальных и гуманитарных наук.

В тех дисциплинах, для которых в меньшей степени характерна командная работа, сопротивление открытой науке основано на опасениях лишиться прав интеллектуальной собственности на продукты своего труда или последствий в виде недооценки индивидуальных академических или теоретических достижений. Как и в точных науках, в социальной и гуманитарной науке исследования, получившие публичное финансирование, считаются общим благом. Прямое последствие такой позиции заключается в том, что знание является кумулятивным и нужно избегать повторного сбора информации различными исследовательскими командами. Некоторые случаи сопротивления открытости данных и процесса исследований объясняются внутренним признанием эмпирической слабости исследования, которое не выдерживает открытой проверки доказательными данными.

Одно из основных преимуществ открытости данных для научного сообщества и создания инфраструктуры сотрудничества заключается в том, что эти платформы являются интероперабельными и позволяют интегрировать информацию о людях, которые производят конкретные цифровые объекты, их институциях, проектах, и тех данных, которые они открывают широкой публике. Институциональные хранилища играют фундаментальную роль в кураторстве цифровых объектов. Предполагается, что базы данных и различные типы научных продуктов могут быть представлены в депозитариях одновременно вместе с научной оценкой, которая сообщает им знак качества. Открытая оценка – тот аспект проекта открытой науки, по которому еще нет глобального согласия – может содействовать научному диалогу, разрешению идеологических споров или теоретических дебатов, которые являются обычной практикой в наших дисциплинах и часто завершаются отказом в публикации статей.

Тем не менее, *открытая наука* не только создает преимущества. Господствующее положение английского языка как кода интероперабельности, создает также неравенства, усиливает избыточную гомогенизацию научной коммуникации на английском языке и ставит под угрозу библиоразнообразие. Кроме того, акселерация

открытого доступа к научным публикациям стимулируется (в основном, в Европе) такими программами, как «План Н» («*Plan S*»), который является частью платформы «Коалиция Н» («*cOAlition S*») и прямой оплатой публикаций со стороны авторов (оплата компьютерной обработки статей - *article processing charges: APCs*). Всеобщий характер и растущая доступность услуг APC содействует росту доходности издательской индустрии, которая фактически занимается вымогательством средств у авторов и усиливает сегментацию исследователей, разделяя их на ученых из гегемонных и негегемонных стран. Проект *открытой науки* – это живая конструкция, создание которой сопровождается борьбой и напряженностью.

> **Критика европоцентризма и принципы контекстуализированной открытой науки**

Пересмотр и обновление первоначального проекта открытости социальных наук, который был запущен Докладом Комиссии Гулбенкяна, подготовленного под руководством Иммануила Валлерстайна, происходит за счет проблематизации оснований европоцентризма и колониальной системы знания. При такой ревизии поднимается также вопрос об относительно маргинальном участии социальных и гуманитарных наук в проекте *открытой науки*. Особенности исследований в социологии и других социальных и гуманитарных дисциплинах как в этнографической динамике, так и в производстве знания совместно с уязвимыми социальными группами, создают сложности для шеринга исследовательских данных. Причины таких сложностей разнообразны; они возникают благодаря сензитивному характеру информации о людях и организациях, а также о типах данных, которые они конструируют и форматы которых крайне редко пригодны шеринга массивов данных в институциональных хранилищах.

В этом смысле наиболее важной задачей проекта является создание институциональных возможностей для учета всех нормативных требований и распространение принципов и продвинутых практик открытой науки. Существует также потребность в том, чтобы исследователи сами больше содействовали доступности публично финансируемых исследовательских данных, а также участвовали в ревизии и контекстуализации моделей открытых данных, адаптированных к потребностям конкретных сфер исследования.

Гражданская наука – одно из основных проявлений *открытой науки* – составляет активно развивающуюся, теоретически богатую и практически насыщенную отрасль партисипаторной социальной науки. В Латинской Америке десятилетиями развивается теоретическая традиция и методы партисипаторной науки. Ее основными проводниками являются труды Фалса Борды (*Fals Borda*), проекты народного образования Пауло Фрейре, а также исследовательское поле изучения эпистемологии Юга. Большинство латиноамериканских университетов с начала 20 века выполняют экстенсивные проекты третьей миссии. Эти проекты основаны на взаимодействии университетов и общества и позволяют аккумулировать практики, содействующие совместному производству знания, расширению сферы действия *открытой науки* и углублению ее партисипаторной природы.

В этом смысле новое в развитии партисипаторной науки заключается не в том, что определенные социаль-

ные группы «приглашаются» к сотрудничеству с учеными, но в том, как осмысливаются права на проведение научного исследования и распространение научного знания. Чтобы партисипаторная наука была эффективно открытой и стала одним из основных прав человека, мы должны признать, что данные, которые ученые собрали с помощью публичного финансирования, не принадлежат им одним. Кроме того, согласно обновленным принципам партисипаторной науки, сообщества, которые принимают участие в социальных исследованиях, не должны использоваться инструментально как простые коллекторы информации, не имеющие права на ее обработку и интерпретацию.

Гражданская наука не является прерогативой социальных наук. Напротив, ее опыт в настоящее время больше всего заметен в сфере изучения окружающей среды (environmental sciences). Однако некоторые регионы мира – в основном, относящиеся к периферии, – обладают мощной традицией партисипаторной науки, которая опирается на методологические принципы, достойные широкого распространения. Традиция критической экстенсивности (*critical extension*) на университетском уровне опирается на ряд практик и опытов накопления знания, необходимого для развития гражданской науки и мультиуниверситетского знания.

> Демократизация, информационная справедливость и искоренение неравенства

Для развития открытой и партисипаторной науки необходимо преодолеть информационную асимметрию и неравные отношения власти. Необходимы более демократические системы управления открытых процессов исследования. Принципы коллективного блага, права на контроль, ответственности и этики (Collective benefit, Authority to control, Responsibility, Ethics - CARE), регулирующие управление индигенными данными, являются концептуальной рамкой для поиска возможностей инверсии исторически сложившегося дисбаланса научных практик, которым следуют академические и местные сообщества. И все же их недостаточно. Необходимо предпринять конкретные действия и развивать новые инициативы по оценке и финансированию контекстуализированных на институциональном уровне систем в соответствии с потребностями сообществ.

Глобальные асимметрии в развитии цифровых инфраструктур, языках циркуляции знаний и накопленного академического престижа решающим образом влияют на условия реализации проектов *открытой науки* в каждой стране и каждом регионе. С этой точки зрения диалог между программой Валлерстайна и проектом *открытой науки* становится сегодня более продуктивным. Для воплощения проекта открытой науки на современном этапе и распространения его на пространства Глобального Юга, необходимо осмыслить его связь с задачами деколонизации научного знания. Возможно нам понадобятся новые формы академической дипломатии, которые объединят различных акторов мира науки, таких как национальные профессиональные ассоциации, региональные сети, издатели, студенты, библиотечные работники, исследователи и международные организации.

В основе *открытой науки* лежит открытость и доступность исследовательских данных и возможность их дальнейшего использования. Однако принципы *открытой*

науки не обеспечивают возможности интер-операбельности этих данных, социального присвоения результатов исследования и не гарантирует, что эти данные релевантны для конкретных обществ. В настоящее время логика научного развития связана с глобальной академической системой, основанной на «мейнстримной» модели, которая приносит вред на всех уровнях производства знания. Необходима широкая длительная дискуссия, которая разрушит широко распространенные убеждения, которые препятствуют развитию академического сообщества.

Критически важно также особое внимание уделить особому вопросу открытости индигенного исторического наследия, которое стало объектом широкого обсуждения в процессе разработки Проекта Рекомендаций ЮНЕСКО по Развитию Открытой Науки. Во время глобальных консультаций по этому вопросу представители национальных сообществ заявили, что процессы, сопряженные с проектом *открытой науки*, могут привести к насильственному изъятию индигенного знания. Критика Проекта привела к существенным изменениям и новой формулировке Рекомендаций. Ряд исследований подтвердили существование процессов экстракции традиционного местного знания и его коммодификацию. Так, например, сладкое вещество «стевия» представляет собой наглядный пример когнитивного вклада парагвайского народа Гуарани, населяющего Амамбайский горный массив. Гуарани открыли медовую стевию и ее сладкий вкус, нашли место, где она произрастает, и собрали информацию об этом растении. Экспроприация и обработка стевии в соответствии с правилами и процедурами научных учреждений имперских метрополий сделала это растение частью капиталистической экономической рациональности, которая построена на эксплуатации. Делая науку открытой для других систем знания, важно придерживаться Рекомендаций Декларации ООН о правах коренных народов (2007) а также соблюдать автономные неотчуждаемые права местных сообществ на свое традиционное знание.

В центре внимания локальной национальной и региональной научной политики негегемонных стран - различные измерения научного суверенитета. Примером такой научной политики является, например, репатриация данных, извлеченных коммерческими платформами или издателями; автономное управление индигенным знанием и обсуждение социальной релевантности науки в контексте баланса между глобальными критериями и локальными стандартами проведения исследований. Чтобы развивать эпистемологическое разнообразие необходимо признать критическую значимость инфраструктурных асимметрий в производстве знания. Аналогичным образом необходимо разрабатывать стратегии искоренения социального неравенства в процессе производства знания, а также неравенства в циркуляции знания по критериям расовой принадлежности, этничности, состояния здоровья или гендера. Поскольку эти неравенства являются многоуровневыми, такими же должны быть решения, которые необходимы для развития открытой науки, в соответствии с принципами социальной, когнитивной и информационной справедливости. ■

Адреса для связи: <fernandabeigel@gmail.com>, Twitter: @BeigelFernanda

1. Расширенная версия этой статьи на английском языке скоро будет опубликована в журнале *Global Perspectives* (Специальный выпуск "Social Sciences in Latin America" [Социальные науки в Латинской Америке]).

> Южный концепт множественных социологий

Махмуд Дхауади, Тунисский Университет (Тунис), член ИК МСА «История социологии» (ИК08), «Социология религии» (ИК22) и «Язык и общество» (ИК25)

Понятие «тотальное социально-культурное влияние» (ТСКВ - TSCI) не используется современными социальными науками. Но нам оно представляется эвристическим. Оно может быть определено как тип социально-культурного влияния, которое оказывает воздействие на каждого члена со/общества без всякого исключения. Таким образом нормы ТСКВ никто не нарушает. Этот тезис противоречит мейнстримной социологической идее о неизбежности социальной девиации, отклонения от социальных норм. В самом деле в университетах США читают курсы по девиации и этой тематике посвящается множество публикаций. Именно на фоне признания наличия девиаций в человеческих обществах я представляю здесь анализ двух случаев, когда нарушения социально-культурных норм не происходит. Первый случай представляет тунисское общество, а второй характеризует все арабские мусульманские общества. Выдвигаемое мною понятие ТСКВ соответствует современным призывам к развитию [«Множественных социологий»](#) и [«деколонизации социологии»](#). Это понятие стало результатом моего наблюдения за следующими двумя феноменами.

> Запрет на содержание животных-самок

Наблюдения показывают, что жители северо-восточного Туниса (городов и мелких поселений Рас Джебель, Раф-Раф, Гхар Эл Мелх, Сунин, Эл Алия и Метелин) никогда не содержат кобыл, ослиц или мулов женского рода. Содержание самок этих животных считается чрезвычайно скандальным и не приемлемо для норм сообщества этого региона. Эта глубоко укорененная и широко распространенная среди жителей этих городов социально-культурная норма привела даже к тому, что они избегают называть неодушевленные объекты женскими именами. Так, например, они замещают слово женского рода «samionnette» (фура) словом мужского рода - «samion» (грузовик). Влияние этих социально-культурных норм на поведение всех жителей региона является тотальным и нерушимым: все жители содержат парнокопытных только мужского пола – мулов, коней и ослов.

Как я уже сказал в этой локальной культуре считается недопустимым держать самок этих животных; даже просто упоминание или разговор о самках этих животных в общественных местах обычно оценивается негативно, причем реакции различаются в диапазоне от выражения недоумения до проявления гнева. Такая местная культура делает местных жителей фактически индифферентными к социально-культурным нормам, которые действуют на всей остальной территории Туниса.

Чтобы объяснить этот феномен я выдвигаю гипотезу о том, что земля в этом регионе не может прокормить множество животных, и потому потенциал роста их поголовья, который мог бы быть вызван наличием самок, ограничивается. И все же жители нуждаются в животных для обработки своих небольших земельных наделов и для перевозки тяжестей в тех местах, где не хватает тракторов, грузовиков и машин. В этом контексте

содержание исключительно самцов животных становится лучшей стратегией удовлетворения потребностей населения.

> Обязательное мужское обрезание

Понятие ТСКВ, примененное выше к феномену содержания животных, может также быть использовано более широко в арабском мусульманском мире. Все мусульмане Туниса по всей стране практикуют обычай мужского младенческого обрезания. Это правило распространяется без исключения на представителей всех социальных классов (низших, средних или высших). Никакой девиации этой социально-культурной нормы просто не существует.

> Социологический взгляд

Социологический анализ демонстрирует сходство описанных выше случаев. В первом случае все жители северо-восточного Туниса отказываются содержать самок мулов, лошадей и ослов; во втором случае - все тунисские мусульмане вовлечены в практики и празднование мужского обрезания. Для социолога оба этих феномена подчеркивают значимость маскулинности в тунисском обществе в целом и в северо-восточном Тунисе, в особенности.

ТСКВ представляется мне новым понятием, которое не встречается пока еще в западной социологической литературе. Покойный Иммануил Валлерстайн не признавал тотального влияния социально-культурных норм на поведение людей, о чем свидетельствуют следующие строки из его книги «Социология в Америке»: *«Мы можем с уверенностью утверждать, что нормам групповой культуры (на всех уровнях) никогда полностью не следуют все члены этой группы»*.

Это утверждение не соответствует культурным нормам тунисского общества и мусульманских арабских обществ, описанным в данной статье. Как мы уже говорили ранее, потенциал культурных различий между арабским мусульманским и западными обществами является аргументом в поддержку сегодняшних призывов к деколонизации социологии и множественным социологиям. В связи с этим социальный ученый может сформулировать легитимный вопрос: может ли понятие ТСКВ быть применимо к группам и обществам за пределами арабо-мусульманского мира?

Независимо от ответа на этот вопрос, для антропологов и социологов крайне важным является понимание и объяснение причин, приводящих к феномену ТСКВ, описанному выше на двух конкретных примерах. Ответ на поставленный выше вопрос требует исследования культурных систем и социальных структур различных человеческих обществ. Эти примеры подчеркивают правомерность основной гипотезы, выдвинутой в данной статье – гипотезе о неизбежности ТСКВ на поведение людей в тунисском и арабском обществах. ■

Адрес для связи: <m.thawad43@gmail.com>

> Латиноамериканская социология и кризис современной цивилизации

Декларация Генеральной ассамблеи Латиноамериканской Социологической Ассоциации (ЛАСА), принятая на XXXIII конгрессе ЛАСА

Иллюстрация бразильского художника и политического ученого Рибса (https://twitter.com/o_ribs и https://www.instagram.com/o_ribs/) для Обсерватории общественных движений Центра исследований по социальной теории и Латинской Америке (NETSAL-IESP/UERJ).

Фото: Рибс, 2021.

В контексте современного глобального хаоса Латинская Америка и Карибский регион переживают напряжение между проектом общества, продвигаемым доминирующими секторами общества и их союзниками, с одной стороны, и потребностями широких слоев населения, чьи жизни буквально висят на волоске, с другой. Капитализм вступает в новую фазу накопления, основанную на обновленных формах инкорпорации периферийных обществ в глобальную рыночную систему. Ускоренная инкорпорация технологических новшеств в повседневную

жизнь и в сфере производства играет существенную роль в этом процессе. Для наших периферийных обществ этот процесс влечет за собой разрушение внутренних рынков, которые распадаются на современный глобализированный сектор и огромное большинство населения, которое редуцировано до роли функциональных потребителей системы (их экономическая активность ограничивается все еще существующими традиционными формами производства, неформальной занятости или низкоквалифицированным трудом в современном секторе экономики).

>>

Мы также переживаем в настоящее время исторический момент глубокого цивилизационного и системного кризиса, для которого характерны чрезвычайная ситуация в отношении окружающей среды и разрушительные для экологии климатические изменения, попятное движение демократии и прав, милитаризация территорий, кризисы продовольствия, энергии, миграционные и этно-политические кризисы. Десятилетия неолиберализма привели к распаду общественных служб; эта доктрина оказала сильное влияние не только на экономику, но и на индивидуальное и коллективное сознание, на человеческие субъективности. В то же время наши общества все больше разрывают противоречия, вызванные множественными формами глубокого социального неравенства, которое еще более усугубилось в связи с пандемией COVID-19.

> Латинская Америка на новом историческом перекрестке

Согласно этому видению, наш регион находится на перекрестке между социальным, экономическим и политическим проектом, который формируют новую модель капиталистического накопления, и потребностью в новых социально-политических проектах, которые стремятся ответить на насущные вызовы нашего времени. С одной стороны, глобальные геополитические реконфигурации, ослабление господства США и появление новых полюсов влияния, в особенности, усиление Китая, приводят к появлению новых структур давления. Обсуждается трансформация глобальной гегемонии. С другой стороны, возникло протестное движение «возмущенных» (*indignados*) и другие политические и социальные движения, которые хотят видеть совсем другое общество, возрастает внимание к феминистской и экологической повестке, продвижению интересов молодежи, антирасизму и повестке коренных народностей и поселений. Таким образом в ходе протестных действий и каждодневных споров в конкретных местах формируются новые возможности и программы эко-социального перехода, основанного на конкретных утопиях.

Однако, очевидно, что борьба разворачивается между антагонистическими силами, обладающими несопоставимыми по объему ресурсами. Даже в тех странах, где массовые движения были более успешными и их требования были услышаны правительствами, гегемонным остается проект властей придержащих. На это указывают социально-экономические и культурные процессы, которые продолжают опираться на капиталистические модели и неолиберальную идеологию, несмотря на то, что их результаты показывают, что этот путь является ошибочным и обрекает человечество на катастрофу. Дисбаланс власти ограничивает народные политические силы, которые, хотя и набрали политический вес, сталкиваются с проблемой инфляции надежд. Таким образом, они находятся под перекрестным давлением сил, которые не готовы к разрушению своей гегемонии, и секторов общества, которые, хотя их и поддерживают, но часто демонстрируют фрустрацию, поскольку их чаяния не реализуются.

> Роль современной латиноамериканской социологии

Из вышесказанного следует, что мы находимся в беспрецедентной фазе, когда решается судьба большей части населения нашего региона. Природа социологии заставляет

нас выявить характеристики этого процесса, изучить его последствия, предвосхитить будущее развитие и разработать предложения. Поскольку ситуация является беспрецедентной, латиноамериканская социология должна со всей решимостью и немедленно предпринять эпистемологические, теоретические, методологические и технические усилия для выполнения своих задач. Именно этим занималась латиноамериканская социология в течение всей истории своего существования. Мы должны вспомнить, например, инновации, которыми отмечен переход от плодотворного эссеистического стиля к так называемой научной социологии; преодоление последней акционистскими исследованиями и социологией, ориентированной на ценности справедливости; проблематизацию теории развития с помощью теории зависимости и политической экологии; эпистемологические инновации феминистских подходов и латиноамериканскую версию интерпретации общественных движений, которая стала вызовом гегемонных теорий Запада. Все эти инновации, которые можно назвать фундаментальными обновлениями, были ответом на социальные изменения.

Необходимо обозначить практические и теоретические изменения, которые должна проанализировать социология, и понять сложную глобальную и региональную социальную систему. Мы должны спросить себя, не пора ли реорганизовать рабочие группы ЛАСА и тематические приоритеты наших ключевых дебатов, чтобы осмыслить комплексные проблемы климата, бедности, моделей развития, общественные движения, трансформации культуры и идентичности или вопросы колониализма.

Глубинные изменения латиноамериканского и карибского общества, кратко представленные в этом документе, призывают к обновлению латиноамериканской социологии и одновременно сохранению нашего критического наследия, которое сопровождало 70 лет существования ЛАСА. Чтобы выполнить задачу понимания с целью трансформации необходимо обновить наши взгляды и подходы. Мы также должны отважно защищать социологию, публичные университеты и тех социологов нашего региона и всего мира, которые страдают от угроз, преследований, тюремного заключения или даже стали жертвами убийств. Мы выражаем солидарность со всеми ними и призываем к совместным интернациональным действиям в целях укрепления нашей дисциплины и ее трансформационного призвания!

В этой декларации мы избегаем названий стран и имен авторов за одним единственным исключением. В ознаменование его столетнего юбилея наша Ассамблея вспоминает с глубоким почтением выдающегося мексиканского социолога, бывшего президента ЛАСА, Пабло Гонсалеса Казанову, чья жизнь стала для нас примером социологического служения, направленного на достижение самых достойных целей. Пусть его профессиональный путь и социологические труды станут вдохновляющим примером для ныне живущих и будущих поколений Латинской Америки и Карибского региона! ■

гор. Мехико, 19 августа, 2022

> Распадающаяся Бразилия

Элисио Эстанке, Коимбрский Университет (Португалия), член ИК МСА «Социальные классы и общественные движения» (ИК47) и **Агналдо де Суза Барбоса**, Государственный Университет Сан Паулу (Бразилия)

Бразильский флаг, висящий вместе с одеждой в небогатом районе. Фото: Шарль Дюран, Pexels.

Крайне выраженная социальная фрагментация Бразилии хорошо известна, но в настоящей электоральной ситуации, важно выделить три измерения, которые помогут международному читателю понять противоречия и проблемы, стоящие перед страной, которые являются одновременно исторически сложившимися, социально-экономическими и политическими.

> Историческое измерение

Более пятисот лет назад после прибытия в страну первых христианских миссионеров под жестоким влиянием рабской торговли и колониальной системы сформировалась бразильская элита, чьи имперские идеи распространялись и на порожденные ею республиканские движения. После завоевания независимости проблематичный имперский период (1882-1889) перерос в интенсивный конфликт между различными фракциями

элиты, что сделало невозможным реализацию настоящего национального проекта. Возникновение Первой Республики было поддержано наиболее консервативными секторами управления, которые вплоть до 1889 года сопротивлялись отмене рабства и оставляли без внимания нужды народных масс. В это же время возник феномен “coronelismo”, ассоциированный с крупными землевладельцами, который укрепил тенденции, определившие бразильскую политику до поворота, случившегося в двадцатом веке благодаря Жутулиу Варгасу. В это время появилась новая промышленная буржуазия, которая с 1920х годов постоянно расширяла свое влияние, становясь все более эксплуатирующей, инкорпорировав статус, унаследованный от старых землевладельцев и кофейных плантаторов и сохраняя при этом авторитарный этос “coronelismo.” После первого периода правления Жутулиу Варгаса (1930-1945) Бразилия пережила прогрессивную для нации волну индустриализации и урбанизации. Однако несмотря на стремление к развитию, которое охватило новые предпринимательские элиты в период правления Жутулиу, элитистские амбиции правящего класса оставались в основе своей милитаристскими; кульминацией этого развития стало самоубийство президента (1954) и позднейший контроль власти силовыми методами (1964).

> Социально-экономическое измерение

На социально-экономическом уровне в 1970е-80е годы на политической повестке Бразилии появились общественные движения, включающие новые профсоюзы, где центральной фигурой был Лула да Силва, готовивший почву для свержения военного режима. Динамика революционных форм стала машиной усиления демократии, Позднее Лула да Силва выдвинул на передний план социальную повестку. Когда триумф «лулизма» содействовал победе оппортунизма, а Колор ди Мелу возглавил подъем правоцентричной Бразильской Социал-демократической Партии, крупной политической фигурой стал Фернанду Энрики Кордозу. Однако в конце 1990х годов после крайне успешного периода управления, обусловленного финансовой реформой национальной валюты (“Plan Real”), наступила экономическая стагнация, сопровождаемая растущим внешним долгом и налоговой политикой, которая поддерживала финансовый капитал, содействовала росту социальной нестабильности и неформальной занятости, низкой оплате труда и росту неравенства.

> Политическое измерение

Политическое измерение состояния современного бразильского общества отражает фрагментацию поли-

>>

тико-электорального поля, которая буквально раскалывает общество. Здесь необходимо вспомнить некоторые нюансы функционирования бразильской политической системы. Политические идеологии соответствуют президентскому режиму, который не является всего лишь номинальным. Иными словами, неписанным правилом является власть «президентской коалиции», при которой стабильность президентской власти в значительной степени зависит от парламентских соглашений. По словам профессора Чичеро Араухо (Сисега Агау́йо), страной правит своего рода «невидимый кабинет», который со времен Фернанду Энрики Кардозу «стал неформальной параллельной государственной структурой, связанной с деятельностью всех официальных структур власти. Этому соответствуют промискуитетные отношения между политическими репрезентациями (на всех уровнях) и экономической властью, наиболее выражено ассоциированные с государственным бюджетом и зависимыми от них структурами». Кроме того, электоральная система Бразилии предполагает выборы по нескольким бюллетеням сразу. Во время всеобщих выборов одновременно голосуют за кандидата в президенты, Федеральный Конгресс, губернаторов, в Конгресс и Сенат. Такая система предполагает множественные переговоры, бесконечный торг и транзакции в верхних этажах власти. Другими словами, таким процессом легко манипулировать, а это, в свою очередь, приводит к дискредитации политических партий и самой демократии.

> Демонические выборы

Недавний электоральный дебат проявил старые разделения. Это был не просто «спор об идеях», а настоящая борьба за электоральную гегемонию, которая, с одной стороны, опиралась на тактики и коалиции, а, с другой, – ориентировалась на предвыборные опросы. Антагонистические интересы элит нашли выражение в манихейском нарративе, в котором постоянно демонизировались основные оппоненты. Сатанический образ врага, проектируемый с обеих сторон, сделал ненависть решающим фактором последней избирательной кампании. Столкнувшись с обнулением партии «третьего пути», представленной Чиро Гомесом и Симоной Тебет (которые набрали всего 7,2% в первом раунде). Болсонару и Лула мобилизовали низовую поддержку и постарались перетянуть на свою сторону неопределившихся, обвиняя при этом друг друга в демонических намерениях в отношении Бразилии и ее народа. В настоящее время в Бразилии, как и в Европе, в качестве электоральных орудий используются различные модальности страха и негодования.

> Избегание ненависти и переворота

Драйверами основных экономических интересов (особенно в сфере агробизнеса) при поддержке медиа, христианских церквей и цифровых сетей (таких как

WhatsApp) являются глубоко укорененное эмоциональное неприятие Рабочей Партии, которое стало чем-то вроде (классовой) ненависти, направленной не только против Рабочей Партии и Лулы да Силвы, но также против всего, что может считаться левым, социалистическим, коммунистическим и пр. Рациональность средних страт и народа была фактически истощена, когда они столкнулись с экономическим упадком, грозящим нищетой. По этой причине Болсонару попытался предпринять ряд отдельных мер, ограничивающих цены на топливо (несмотря на то, что эти меры поставили под угрозу доступность социальных служб, но этих мер оказалось недостаточно. Благодаря всем этим действиям Луле не пришлось долго рассуждать о будущем. Ему было достаточно напомнить населению об успехе своего предыдущего правления, когда бразильцы – особенно принадлежащие к бедным слоям населения – в начале 21 века переживали эпоху «золотого десятилетия». Долгое время в предэлекторальный период сохранялась латентная угроза переворота, но затем основные органы судебной власти (в особенности Высший Электоральный Суд и его президент Александр де Морэс) стали активно препятствовать возмущению, удаляя со сцены наиболее радикальные подразделения вооруженных сил.

> Блокировки дорог и нормализация

В конце концов сильное напряжение, пронизывающее бразильское общество, проявилось после победы Лулы да Силвы, когда потерпевший поражение кандидат отказался признать свой проигрыш и молчал более двух дней после объявления результатов выборов. Реакция наиболее радикальных сегментов общества, которые организовали сотни блокировок основных транспортных магистралей и повредили здания, в которых размещались три основные структуры власти Бразилии, в начале legislatures продемонстрировали, с одной стороны, ненависть и возмущение возвращением Лулы на президентский пост и попранием демократии, а, с другой стороны, появившимися новыми проблемами судебной системы. Многие акторы, формирующие общественное мнение, в настоящее время привлекают внимание к тому, что могущественные силы, связанные с Болсонаризмом, стратегически используют криминальные действия. Тот факт, что действующий президент самодистанцировался и призвал протестующих к демобилизации – хотя он сделал это поздно и неубедительно – успокоил наиболее возмущенных активистов. На институциональном уровне подготовка к транзиту власти и его начальный этап свидетельствуют о «нормализации» обстановки, что, как предполагается, подготовит почву для многообещающего нового политического цикла. Эта задача поистине титаническая, но все же ее можно выполнить. ■

Адреса для связи: <elisio.estanque@gmail.com> , Twitter: @ElisioE, <agnaldo.barbosa@unesp.br>

> Иран: это не протест, это революция

Авт.: Иранские голоса

Уличная демонстрация в поддержку иранских протестов со слоганом «ЖЕНЩИНЫ, ЖИЗНЬ, СВОБОДА», 2022. Фото: Flickr.

Махса Амини, двадцати двух летняя курдско-иранская женщина из Саккеза была арестована в Тегеране так называемой моральной полицией 13 сентября 2022 года по обвинению в несоответствующем внешнем виде. Через три дня Амини скончалась в госпитале, после того как впала в кому, как считается, из-за избиений, которые она перенесла при задержании и в заключении.

Смерть Амини породила новую волну протестов, прокатившихся по всему Ирану, которые призывали не только покончить с гендерной сегрегацией, но также к свержению режима Исламской Революции. Из-за антигуманных действий иранского режима и предательства реформаторов протестующие более не верят в возможность реформ. Они хотят революции.

> Волны протеста в Иране

Участвуя в движении протеста, многие девушки и женщины Ирана сняли свои платки и публично сожгли их, символизируя таким образом сопротивление государственному принуждению женщин к ношению чадры и контролю их тел. Хотя в течение последних четырех десятилетий женщины играли активную и заметную роль в протестах, гендерный вопрос никогда не стоял в повестке иранских общественных движений, за исключением протестов 1979 года, когда женщины протестовали против планов правительства на введение закона о прину-

дительном ношении чадры. В ходе нынешнего протеста отмена гендерной сегрегации в кафе и университетах стала важнейшим требованием студенческого движения.

Несмотря на то, что участие молодых женщин в протесте видно невооруженным взглядом, на акциях звучит мощный мобилирующий лозунг «Женщина, жизнь, свобода», женская и гендерная символика доминирует в массовой культурной и художественной продукции и выраженной гендерной повестке, требования протестующих разнообразны и не ограничены проблемами женщин и гендера. Акции протеста объединяют иранцев самых разных поколений, этнической принадлежности, социального класса, вероисповедания, места проживания, независимо от гендера. Мужчины-студенты, учителя, врачи, торговцы, рабочие или гражданские доноры крови из самых разных уголков страны участвуют в забастовках и протестных акциях. Таким образом мы видим очень широкое по социальному охвату общественное движение.

Вопрос о чадре - один из множества других, которые не смогла разрешить Исламская Революция 1979 года. Чтобы укрепить иранскую идентичность и характер, государство жестко контролирует обязательное для женщин ношение чадры и гендерную сегрегацию. Иранское государство поставило себя в тупиковую ситуацию; оно не способно высказать сколь-нибудь примиряющую позицию или изменить законодательство по этому вопросу,

>>

несмотря на то, что около половины населения Ирана выступает против принудительного ношения чадры и покрытия женщинами головы.

Множество политических, социальных и экономических злоупотреблений и управленческих неудач режима способствовало неудовлетворенности, фрустрации и чувству безнадежности, охватившему большое число иранцев. В 2017, 2018, 2019 и 2021 годах они протестовали, среди прочего, против безработицы, роста цен на бензин, плохого качества воды, загрязнения воздуха и проблем в экономике. Для разочарованных иранцев смерть Махсы Амини стала последней каплей в чаше их терпения.

Протестующие не требуют реформ или исправления системы, они больше не верят в реформы. Ситуация изменилась. Если с конца 1990х годов до вспышки Зеленого движения 2009 года в стране активно развивался публичный дискурс об изменениях законодательства, политических реформах и правах женщин, то жестокая реакция властей, аресты, в том числе, домашние, пытки и принудительное покаяние многих сторонников реформ показали, что эпоха реформ фактически закончилась.

> «Мы больше не боимся, мы будем бороться!»

В ноябре 2022 года, глава судебной власти Голям Хоссейн Мохсени-Эджей пригласил протестующих за стол переговоров следующим образом: «Я готов. Давайте поговорим. Если мы совершили ошибки, мы можем их исправить». Однако протестующие иранцы оставили без внимания его попытку, восприняв ее как еще одно выражение государственной тактики предательства. В ответ они выступили с лозунгами: «Это не протест, это революция!», «Смерть диктатору!» или «Смерть Хамени!». На стенах и знаменах они писали: «Мы больше не боимся! Мы будем сражаться!», выражая таким образом свое бесстрашие и решимость. Они утверждают, что революция набирает ход. Многие ключевые символы Иранской Республики разрушены или сожжены. Среди них здание полиции и остановки общественного транспорта, такие уличные знаки, как «улица Исламской Революции» или «Палестина», памятники основателю Исламской Республики Рухолле Хомейни или Казему Солеймани, командиру Исламской Революционной Гвардии (ИРГ), а также знамена и фотографические портреты Хомейни и действующего религиозного лидера Али Хамени.

В течение первых трех недель протестов иранский режим удивительно медленно и неопределенно реагировал. Возможно это было вызвано тем, что в конце сентября в Нью-Йорке проходила Генеральная Ассамблея ООН, а, может быть, дело было в молчании Хамени и отсутствии его появления на публике.

В дальнейшем государство использовало ряд типичных для авторитарного режима реакций на протестное движение. Так, например, бы отключен интернет, организованы массовые и частые, с большим охватом, демонстрации в защиту режима; протестные толпы обстреливали резиновыми пулями и пейнтболами; участники протеста и художники подвергались арестам; репутации протестующих постоянно дискредитировались; разрушались транспортные средства, поддерживающие протестующих звуковыми сигналами; подвергалась шельмованию иранская диаспора, в протестах обвинялись иностранные структуры, широко использовалась тактика фейкового представления фактов, лозунгов и событий.

Хотя такие представители государства, как член Ассамблеи экспертов Ахмад Катами и командир ИРГ Хоссейн Салами угрожали протестующим смертной казнью, возмущения не утихли даже когда стали публично известными первые случаи пыток, мучений и казни арестованных.

Хотя уже прошло несколько месяцев мобилизации, еще слишком рано делать выводы о ее результатах. Нам предстоит увидеть, присоединятся ли, в конце концов, к демонстрантам большинство молчащих и не участвующих в политике иранцев и диссиденты из духовенства. В настоящее время мы наблюдаем формирование (группы) лидеров и начальную фазу организации протестующих и их коалиций, а также разработку конкретных требований, которые будут предъявлены после ожидаемого потенциального переворота. Вслед за начальным периодом, когда конфликты привлекают внимание международного сообщества, часто наступает стадия рутинизации, и народные возмущения постепенно выпадают из мировой новостной ленты. Посмотрим, повторится ли этот сценарий еще раз и какую позицию в отношении иранского режима займет международное сообщество. ■

Адрес для связи: редакция *Глобального Диалога* <globaldialogue.isa@gmail.com>

